

18+

ЮРИЙ ЕЛЬ

Неискушённый. Том 2

Юрий Ель

Неискушённый. Том 2

<https://litres.ru/73870907>

ISBN 9785006969971

Аннотация

Королевство на грани гибели. И что же будет делать прескверный Антал Бонхомме? Не герой, не народный любимец и уж точно не спаситель. Он — по-прежнему избранник богини, но уже не изгой и... не чудовище? Это ему предстоит выяснить на пути к главной цели — спасти Пресвятого Сальваторе и узнать наконец всю правду.

Содержание

Глава 21. Да здравствует королева!	5
Глава 22. Недобрые вести	35
Глава 23. Господин Беланже действует	48
Глава 24. Гнев мстительной богини	65
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Неискушённый. Том 2

Юрий Ель

© Юрий Ель, 2026

ISBN 978-5-0069-6997-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0067-6616-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 21. Да здравствует королева!

Переступить порог родного дома Элейн было тяжело. Она вцепилась в руку Антала и не отпускала. Прескверный в свою очередь думал, что, если принцесса всё-таки отпустит, то упадёт, не удержавшись на ногах. Пребывала она в состоянии глубокого оглушения, молчала и не поднимала глаз. Будто вели её на плаху, а не к трону.

— Сначала я прикажу осмотреть дворец, госпожа, — проронил Вейлин тихо и тронул Элейн за плечо. — Необходимо убедиться, что здесь безопасно.

Ответом вновь послужила равнодушная тишина. Элейн, кажется, не заботило, остался ли во дворце кто-то живой. Она больше переживала из-за мёртвых, среди которых был её отец.

Принцессу сопровождали несколько человек: Антал, Рамон, Надайн и Эней, а ещё, конечно же, Вейлин Гонтье со своей свитой. Вечером сюда придут и другие — слуги, повара, иные придворные, готовые приступить к работе, которой во дворце накопилось немало. Их пришлёт Надайн, то были люди из её подчинения. Козлят тоже доставят во дворец и будут держать под охраной.

— Необходимо также пригласить священников. Чтобы помолились, осветили дворец. Это место священо, а его осквернили, — сказала глава семьи Беланже, осмотревшись.

Рамон, сложив руки на груди, поморщился:

— О чём ты говоришь? Мы — благословлённые. Одно слово наше сильнее тысячи их молитв, мама. Я помолюсь сам. Если потребуется, обойду все комнаты и этажи.

Надайн вскинула голову, бросив на сына ледяной, колющий взгляд:

— Не осталось в нас божественного благословения.

— А в тебе его, кажется, и не было, — презрительно фыркнул Рамон. — Так или иначе, суть не в нём, а в вере. Её у нас отобрать нельзя. И этого более чем достаточно! Я всё сказал: ни о каких священниках не может идти и речи. Не позорься, предлагая подобное. Я помолюсь сам.

— Как смеешь ты говоришь со мной в таком тоне?.. — Надайн едва не сорвалась на крик.

Её прервал Эней, встав между племянником и сестрой:

— Прекратите! Не здесь! И не сейчас!

В этот момент вернулся Вейлин с солдатами. Он объявил:

— Во дворце никого. Можете быть спокойны.

— А мы и не боялись, — ответил Рамон резко.

— Где мой отец? — тихо спросила Элейн.

Все уставились на неё. Ей не потребовалась перекрикивать, чтобы заставить их замолчать. Оказалось достаточно лишь полушёпота — надрывного, слабого — и каждый прислушался.

— Он в своих покоях. Мы отнесли его туда, — ответил Эней мягко.

И Элейн направилась туда, чуть помедлив. Будто размышляла над тем, хочет ли видеть его убитым. Не мёртвым, а именно *убитым*. Притом на опустевший трон она всё-таки побоялась взглянуть. Прошла мимо, отвернувшись — не принимала новую роль. Однако смиренно шла. Вели её долги и вера. Та самая, о которой только что говорил Рамон. Вера в бога единого, в его возвращение, в собственные силы и в то, что на будущее ещё можно повлиять. Оно казалось пустым и тихим, как этот дворец. Разрушенным и разорванным, как её семья. Но таковым лишь *казалось*. И чтобы его изменить, Элейн необходимо взойти на трон, взять на себя ответственность и принять все необходимые меры для спасения королевства. Для спасения будущего.

Принцессе нужно было посмотреть на своего убитого отца. Не для того, чтобы сломаться окончательно. Наоборот — чтобы стать сильнее. Смерть монарха в её понимании олицетворяла скорую гибель и всего Эрхейса. Ведь если до него скверна дотянулась, то легко расползётся и по улицам, по домам, пока не осядет в душах людей.

На лице его бледном и безжизненном Элейн увидит не умиротворение, а страшную усталость. В сердце, что больше не бьётся, услышит не тишину, а оглушительный крик боли и отчаяния. Она посмотрит на своего папу и сможет понять, насколько важно взять себя в руки и предотвратить надвигающуюся трагедию.

Смерть не поставит Элейн на колени. Наоборот — заста-

вит подняться, шагать твёрдо и действовать.

— Я могу пойти с тобой? — спросил Антал, не собираясь настаивать.

Элейн ответила медленно и не сразу. Будто слова долетали до неё с задержкой, издалека. Как едва уловимое эхо.

— Нет. Я хочу побыть с ним наедине. И подумать. Поговорить, возможно. Прошу, оставьте меня. Позвольте... осознать.

Антал с пониманием кивнул. Он тронул принцессу за руку в знак поддержки и дальше не пошёл. Та поднялась на второй этаж и исчезла в коридорах. Шла тихо, еле перебирая ногами.

Прескверный проводил её взглядом, а потом заметил в стороне Рамона. Он тоже смотрел на Элейн, и губы его неслышно шевелились — он начал читать молитвы. Антал подошёл и спросил робко и тихо, словно о чём-то постыдном:

— Могу я... тоже помолиться с тобой?

Благословлённый активно закивал:

— Конечно. Если не знаешь всех молитв, я могу написать...

Антал покачал головой:

— Не нужно. Молитвенники благословлённых я от корки до корки знаю. Господин Меро помог. Мы с ним часто молились вдвоём.

— А жесту он тебя научил? Одну ладонь к сердцу прикла-

дываешь, а указательный палец второй — к губам.

Антал удивился:

— Нет, о таком я не слышал. Что это значит?

Рамон объяснил терпеливо:

— Жест этот почти не используют сейчас — давно уже забывать начали. Предпочитают молитвы на коленях читать. Но мы, благословлённые, традиции чтим. — Он приложил ладонь к своему сердцу. — Сердце — источник веры, из него молитва исходит, в нём и надежда всегда теплится. Рукою касаясь, ты к нему тянешься. Держишься за надежду и веру. А палец у губ говорит о тишине. Что молитвы ты возносишь шёпотом, негромко, не на показ, а прежде всего чтобы самого себя утешить, самого себя священными текстами исцелить. Ведь Сальваторе их слышать не нужно. Он просто чувствует и знает. Когда же мы с прескверными или проклятыми боремся, молитвы выкрикиваем — оглушительно и твёрдо. Потому что исцеляем в данном случае не себя, а носителя скверны. Проклятия священных текстов всегда боялись.

Антал очень внимательно слушал и задал вопрос:

— Но ведь если осквернённое место необходимо осветить, то молитвы тоже нужно вслух читать?

Рамон улыбнулся мягко, тронутый искренней заинтересованностью Антала, а потом ответил:

— Здесь нет источников скверны сейчас. Верзила же заверил, что всё осмотрели. Поэтому исцелять нам нужно именно себя, Антал. Когда в душе покой воцарится, тогда и сте-

ны дворца свою боль отпустят, забудут о том, что видели, и нам напоминать перестанут. А сейчас нам плохо. Горько. Печально. И находиться тут тяжело. Потому нужно молиться в первую очередь для себя.

Антал всё понял и больше спрашивать не стал. Его поразило то, как Рамон изменился вдруг, заговорив о вере и боге. Он стал... спокойнее. Даже лицо разгладилось, брови перестали хмуриться. В золотисто-карих глазах появилось тепло. Он и Элейн всегда говорили о Сальваторе с благоговением. Они любили своего бога, а бог, вероятно, любил их. Причём любовь эта была иная, какую Антал, увы, не знал. Души их были спокойны, ими не пытались завладеть. Неужели такое возможно?

С этими мыслями Антал двинулся дальше, действительно собираясь обойти каждую комнату. Рамон последовал за ним. А Эней вдруг, завидев молящегося прескверного, повторил за ним. Приложил руку к груди, а палец — к губам, и зашептал. Одна только Надайн бездействовала. Смотрела на Антала холодно и недоверчиво. Брать пример с какого-то там избранника Тенебрис она не собиралась. Это госпоже Беланже казалось оскорбительным и низким. Она предпочла удалиться. Вероятно, пожелала уединиться где-нибудь в покоях и подумать. Быть может, ей в самом деле было тошно от мысли, что единственной надеждой и опорой в сложившейся ситуации стал именно прескверный. Тогда как сама она веру почти утратила. Чувствовала бессилие.

Так или иначе, Надайн ушла. Не захотела смотреть на Антала, образ которого будто глаза резал. А вот сам Антал на неё не обращал никакого внимания и был погружён в молитву. Ему искренне хотелось помочь хоть чем-то. Молясь, он думал об Элейн, просил дать ей сил и терпения. Умолял даровать душе короля покой. А для себя просил только одного — воли.

О чём, интересно, молился Рамон? Вероятно, тоже о принцессе и короле. А ещё о Бартоломью. Конечно! Не мог он о принце забыть. И за покой его души переживал больше всего. Даже сильнее, чем за себя.

— Иду в сапогах по вычищенному полу и стыд испытываю, — вдруг усмехнулся он горько. — Не принято ведь во Дворце Дезрозье в обуви ходить.

Антал вспомнил о том, что в первую встречу Нерон и Элейн действительно были босыми. Тогда его удивило это.

— А почему?

Рамон пояснил:

— Всё дело в Нереиде — покойной королеве. Она больна была, мучалась страшно. Головные боли терзали так сильно, что она кричала, не спала ночами. Порой целыми днями молчала. Она стала слишком чувствительна к шуму. В слёзы бросалась, если, сумев наконец уснуть, вдруг просыпалась от любых звуков.

Благословлённый опустил глаза в пол, указав на него:

— Слышишь, как каблуки сапог по мраморной плитке

стучат? По паркету так же. Нам кажется, что не громко. А вот покойная Нереида с ума сходила даже от такого малейшего шума. Вот и принял Нерон решение без обуви ходить, и всех обязал, в том числе и слуг. Я хорошо помню, как, явившись в гости, меня поразило это новое правило. Приходилось разуваться и говорить на полтона ниже. Но, конечно, я всё понимал.

Он вздохнул:

— А потом Нереида умерла. Однако правило это закрепилось, превратилось в самую обыкновенную привычку. Или же Нерон желал, чтобы по сей день во дворце тишина стояла. Чтобы желанный покой королевы не нарушить случайно.

Антал вспомнил, как цокал в тот день каблуками, шагая размашисто и гордо. А король ни слова ему не сказал. Стерпел, позволил так себя вести. И прескверный испытал стыд. Захотелось извиниться, да вот только Нерон не услышит уже. Поздно.

Зато сейчас, сам за собой не заметив, шаг сбавил и постарался идти тихо. Рамон заметил это и усмехнулся

— Что? — смутился Антал, отведя взгляд. — Странный я прескверный, да?

— Не знаю, что там насчёт прескверного, но человек ты точно хороший.

У Антала побежали мурашки. А Рамон сказал следом:

— Я бы хотел сходить в покои Бартоломью. Один. Оставил там кое-что и хочу забрать. Можем встретиться позже в

гостевом зале. А там уже слуги и повара придут. Комнаты и ужин нам приготовят.

Антал кивнул:

— Да, конечно.

И Рамон ушёл. Прескверный же шагнул дальше. Читая молитву, он осматривался по сторонам. Старался затронуть взглядом каждый уголок, каждую вещь, чтобы осветить и скверну прогнать. Боялся, как бы ненароком ею же всё вокруг не заляпал. И вообще отчего-то молиться ему по сей день было стыдно. Будто права не имел и своими греховными губами священные тексты очернял. Но Антал боролся с этим ощущением и отчаянно пытался принять себя в первую очередь как человека, а не прескверного.

Мысли вновь вернулись к Элейн. Как она там сейчас? Плохо, несомненно. Она наедине с горем. Однако принцесса чётко дала понять, что никого и не желает видеть рядом с собой. Захотела справиться самостоятельно. И Антал гордился ею. Безгранично уважал. Знал, что в данный момент она борется — с отчаянием, страхами и навалившейся, точно камень, слабостью. Элейн станет победителем в этой неравной схватке и вернётся. И из покоев своего убито отца она выйдет другим человеком.

Элейн стояла у кровати отца, стиснув зубы. Глаза заволоч-

ло пеленой, они намокли. Но ни одна слеза так и не скатилась по щекам. Принцесса им этого позволить не могла. Она держала спину ровно, сжимая кулаки. И смотрела на короля очень внимательно. Видела, однако, не монарха, а своего папу. И образ его — бледный и измученный — стремительно проникал под кожу. Но в памяти он таким не останется. Нет! Этого допустить нельзя. Нерон был красив при жизни, силен и мудр. Он не выглядел, как старик, поглощённый собственным безумием. И не было у него этих кошмарных следов на шее! Да, Нерон был другим. Другим и запомнится.

Хотелось поплакать на его плече, ощутить тёплое прикосновение руки, но всё, что Элейн позволила себе — это сесть рядом, на самый краешек кровати. Она боялась, что если сейчас поддастся скорби, то рассыпется. Если даст слабину и разрешит горю овладеть ею, как это было с Бартоломью, она упадёт и уже не сможет встать никогда. Потому, поджав губы, подавляла вой. А он душил, обхватив ледяными, жестокими руками шею. Он требовал свободы и хотел вырваться.

В голове то и дело мелькала поганая мысль: «я осталась сиротой, семья моя убита, и теперь мне нужно лечь рядом с ними. Папа мудрым советом не поможет. Бартоломью свет забрал с собой. Их, сильнейших, сломить сумели. А что же могу я? Непригодная для трона, потерянная и сбитая с толку.»

Но Элейн её гнала. Зажмуривалась, дрожащими руками закрывала уши в надежде заглушить. И спасала её другая

мысль, звучащая не так громко и навязчиво, не так резко и болезненно, но мягко, исцеляюще: «А я свой свет зажечь смогу. Засияю, народ буду вести. И мудрость обрету. Взойду на трон, чтобы его сохранить. Королевство на падёт, пока монарх жив. А я — жива.»

И, наступив себе на горло, Элейн прогнала слёзы. Она подумала вдруг об Антале. Он помог удержаться ей на ногах в начале пути, а теперь принцесса должна была найти опору в самой себе. Чтобы суметь взвалить на себя груз ответственности и удержаться, не уронить тяжёлую корону. Чтобы осилить неприподъёмную державу.

Антал был готов упасть вместе с ней. Но Элейн поняла, что не хотела бы этого. И она выдержит что угодно, лишь бы не тянуть его вниз.

Да, став королевой, Элейн найдёт опору в самой себе. И падать им не придётся.

Она взглянула на папу ещё раз. Коснулась руки, прощаясь. И вышла из покоев, так и не проронив ни слезинки.

Воспоминания. Рамон хотел найти в покоях Бартоломью именно воспоминания, чтобы забрать их с собой.

Напугать молодого господина Беланже всегда было трудно, но почему-то именно сейчас его сердце билось очень быстро. За ним никто не гнался, никто не угрожал. Это по-

кои убитого друга вызывали страх. Там осталось много его вещей. Там всё — про него и о нём. И увидеть их — всё равно что глубокую рану себе нанести.

Рамон и не заметил, как дрожали его руки, когда тянулись к ручке двери. И в горле пересохло. А вот глаза наоборот — сделались мокрыми. Что же будет, когда им доведётся встретиться? Рамон боялся представить, во что превратили Бартоломью. Не представлял, осталось ли что-то в нём от человека, которого он знал. Может, и оплакивать уже давно некогда?..

Двери приоткрылись. Медленно, робко. Рамон заглянул в покои через щёлку. Живот скрутило от переживаний, к горлу вновь подкатил мерзкий кровавый комок. Его вот-вот могло стошнить. И в ногах появилась противная слабость. Но благословлённый держался. Сглотнув с усилием, он толкнул двери неуверенно и замер на пороге.

В комнате было светло, даже несмотря на то, что солнце то и дело пряталось за тучами. Лучики его редкие осторожно, но при том настойчиво проникали через окно и падали на ковёр. Казалось, покои Бартоломью осень попросту игнорировала. Она не проникала именно сюда, не позволяла серости войти и хозяйничать. Или это сам Бартоломью, последний раз покинув комнату, забыл взять с собой свой свет? Оставил его для других. Для тех, кому он однажды будет очень нужен.

Кровать заправлена и нетронута, на письменном столе —

покрытые пылью записи, целые стопки исписанных листов. Чернила в чернильнице высохли. И почему-то именно это поразило Рамона сильнее всего. Сухие чернила! Такого никогда не было. Бартоломью много писал, постоянно! Именно в несчастных чернилах Рамон и увидел истину — осень, пусть в покои и боялась заглянуть, но увядание, тем не менее, уже здесь.

Он обхватил себя руками, поджал губы и подошёл-таки к столу. Одними только кончиками пальцев взял незаконченные записи и прочитал. Это была их пьеса. Вернее, её продолжение, о котором Рамон ещё не знал. В ночь, когда Бартоломью убили, а его проклинали, они репетировали другое. Из-за этого возникло обманчивое чувство, что принц писал её уже после своей смерти. А если мог писать, значит, жив. Но это неправда. Сердце попросту отчаянно пытается себя обмануть.

Руки затряслись сильнее. Сдерживать кровавый комок и слёзы становилось всё сложнее. Рамон потерял не только названного брата, но и будущего короля. Обретёт ли он когда-то такого же друга? Нет. Сможет ли найти Бартоломью замену? Ни в коем случае. Никого похожего на принца благословлённый не видел и, честно говоря, не надеялся. Подобные ему не каждое столетие рождаются. Ведь так нести свет и заполнять пустоту сможет не каждый.

Рамон вспомнил вдруг один момент. Это то, зачем он и явился в покои принца.

Было это несколько лет назад. Он явился во дворец и, поклонившись королю, сразу проследовал в покои Бартоломео. Застал его за весьма неожиданным занятием. Принц неуклюже развалился в кресле, неизящно закинув ногу на ногу, и, вытаскивая кончик языка, шил костюм Нуто. Пальцы его были исколоты, иголка не слушалась и отказывалась делать ровные стежки. На лице застыла напряжённая сосредоточенность, брови нахмурились. Волосы взъерошились и спутались, лежали неаккуратно. Вокруг валялись, истерзанные лоскуты бархата, красные атласные ленточки — часть костюма — и разноцветные катушки с нитками. Комната была похожа на захламлённую кладовую. И Бартоломео над этим бардаком властвовал. Надо сказать, выглядел он при этом очаровательно. Казался таким невинным и даже блаженным.

— Чем ты занят? — поинтересовался Рамон, не зная, куда и ступить. — В Эрхейсе столько достойных портных, а ты тут сам с костюмом возишься! Ты ведь не умеешь шить.

Принц похихикал:

— Боишься представить, какой костюм я сошью для тебя? Стыдно будет в таком на сцене показаться?

Рамон сложил руки на груди и задумался, рассматривая алый плащ от костюма, который, честно говоря, получился неплохим. Ну, для театрального выступления, а не выхода в свет, конечно же.

Он ответил прямо:

— Просто никогда тебя за шитьём не видел. Это ремесло непростое. Чтобы получилось достойное одеяние, необходимо иметь вкус, намётанный глаз, разбираться в тканях и так далее... Ты, несомненно, хорош в писательстве. Гениальный драматург, скажу без прикрас! Ты знаешь, я не стал бы хвалить просто так. Но вот костюмы...

Бартоломью знал Рамона как облупленного. Понимал, каким капризным привередой тот всегда являлся, и как важно ему было быть идеальным во всём. Потому принц ничуть не обиделся. Да и не пытался друг его оскорбить! Так, ради приличия критиковал. Зато каждой строчкой пьесы он восхищался. Искренне, по-настоящему.

— Господин Беланже, я научусь шить, не волнуйся! — ответил принц, ослепительно улыбнувшись. — Потому и начал со своего костюма. Чтобы поднатаскаться, освоиться. Твой костюм выйдет отличным. Я вообще-то серьёзно подхожу к постановке пьесы. Хочу, чтобы она была шикарной. Чтобы о ней говорили! И когда королём стану, меня будут вспоминать как человека творческого и чувствительного. Пусть знают, что сердце у меня горячее! Сияет и согревает.

— Я тоже переживаю за твою пьесу. Хочу быть готовым на все сто. Всё-таки на сцену Большого театра выйду. Все будут смотреть.

Бартоломью уловил волнение в его голосе и, отложив иголку, мягко объяснил:

— Это не обязательство, Рамон. Мы должны получить удовольствие от нашей задумки. Сыграть на сцене, показать свои таланты — это весело, это приятный опыт. Будет, что вспомнить, в конце концов! Мы ещё наследникам похвастаемся! Когда ещё на сцене блистать, как не сейчас? Пока молоды и красивы. И пьеса не обязательно должна быть идеальной, пойми. Пусть и костюмы не будут идеальны, и причёски, и грим... Главное другое.

Рамон поднял на него удивлённые глаза:

— А что тогда главное?

— Мы, наверное. Душа, вложенная в эту пьесу. В нашу игру. И на шероховатости зрители не обратят никакого внимания, вот увидишь!

Рамон задумался и молчал какое-то время. Бартоломью же вновь взялся за иголку с нитками и продолжил шить. Разговор этот был вовсе не про пьесу. Принц вкладывал иной смысл, он лишь привёл её в пример как символизм. Знал ведь, как Рамону важна «идеальность». Та самая, навязанная Надайн.

И разговоров таких было немало. Бартоломью никогда не говорил об этом напрямую. Боялся обидеть, видимо, или в душу без спроса залезть. Ему никогда не было плевать на окружающих. Складывалось впечатление, будто он и не прилагал особых усилий, чтобы утешить и поддержать. И у него получалось. Лучше, чем у кого-либо. В этом и заключается особенность людей, несущих свет. Он просто сиял и всё. И

этого, казалось, было достаточно.

Рамон понял, что с Бартоломью не нужно было быть идеальным. Он позволял и прощал другу капризы и вредность, выслушивал критику, порой, жестокую, и никогда не просил закрыть рот, быть тише и сдержаннее. Сдержанности и тишины и без того было много дома, в усадьбе Беланже. Здесь же, в покоях принца, разрешалось говорить, что вздумается и когда вздумается, позволялось быть настоящим и искренним. Рамон нуждался именно в таком друге, который докопается до истинной его натуры, разглядит её, поймёт и примет. Поможет раскрыться.

— И чего нос повесил? — принц сморщился наигранно. — И лицо такое кислое стало!

— Ничего подобного! Не такое у меня лицо! — возмутился Рамон, а потом тут же стих, продолжив: — Просто... спасибо тебе. За то, что говорить со мной не боишься, за честность и доброту. Другие парни из знатных семей меня всю жизнь стороной обходили. Боялись, как будто. И сам знаешь, какие разговоры обо мне ходят. Мол, высокомерен я, нос ворочу...

Бартоломью звонко расхохотался:

— Так ведь ты высокомерен и часто нос воротишь! Стоишь вечно в стороне, как натянутая струна, и смотришь, будто оценивающе. Расслабился бы да пообщался.

Рамон вдруг вспыхнул и рявкнул так, что аж волосы его подпрыгнули:

— А чего же ты тогда со мной дружбу водишь?!

Бартоломью пожал плечами:

— Да просто неважно это всё. Я тебя настоящего знаю. Ты

— мой лучший друг. Брат! Не по крови, но по духу! Я бы тебе жизнь доверил, Рамон. Я бы, не раздумывая, благословил твой брак с сестрой, если бы вы захотели...

— Уж ты-то нас не сватай! Вроде умный, а несёшь глупости. Фу! Ещё принцессы в моей жизни не хватало. Принца вон и без того слишком много.

Бартоломью продолжал хохотать, довольный реакцией Рамона. А тот лишь распаялся:

— Смешно тебе!.. Ты давай не отвлекайся. Иголку в руки, и работай над костюмом. Мне сообщить тебе свои параметры? Я хочу как можно скорее увидеть уже свой образ, в котором буду играть!

И принц, продолжая смеяться, послушно взялся за иголку, кивая. Он опустил глаза, пытаясь вставить нитку в ушко, и не увидел, как губы Рамона тоже тронула тёплая улыбка.

А теперь Рамон смотрел на то самое кресло. Оно пустовало. Не было вокруг ни ниток, ни лоскутов бархата, ни лент... Лишь засохшие чернила и пыль на рукописях.

Тошнота подкатила внезапно, резко и удушающе. Закрыв рот рукой, Рамон уже отточенным движением попытался вытащить из кармана платок, но там его не обнаружил. И, в ужасе распахнув глаза, не удержался и изверг из себя ком

крови. Заляпал лицо, шею, рубашку и руки. Стоял теперь, пошатываясь и дрожа. Тело бросило в пот. Из глаз едва не покатались слёзы. Стало совсем плохо. Невыносимо!

Но пришёл он сюда не ради страдания. Оно и без того затянулось. Боль не стихала ни на миг, и даже попытка забыть в обществе милой и нежной Евадне не спасла, хотя Рамону хотелось бы узнать её получше. И на дне бутылки не нашлось желанного утешения, хотя обычно это помогало Энею. Всё дело было в неприятии.

Пришёл сюда господин Беланже, чтобы попрощаться. Забрать с собой ценные воспоминания и отыскать смирение. Он хотел поплакать тут в последний раз и поклясться себе, что больше не проронит ни слезинки. Потому что отпустит. Изменить ничего нельзя, как бы ни хотелось. Пьеса так и останется незаконченной, Бартоломью не вернётся.

Рамон упал на колени, обессилив окончательно, и заскулил-таки. Слёзы покатались по щекам. А когда иссякли, на душе стало легче. И вовсе он не стыдился своих эмоций, хоть и не желал их показывать. В конце концов, не обязательно быть идеальным.

И вот так «неидеально» Рамон попрощался. Позволив себе не сдерживаться и прожить боль по-настоящему.

Он бросил взгляд на пустующее кресло ещё раз, помолился и покинул покои, ни разу не обернувшись.

Антал закончил молитву и направился в гостевой зал. Однако, пересекая тронный, наткнулся на Вейлина. Тот стоял на коленях перед тронном, склонив голову. В глазах его читалась боль и... вина? В любом случае, откровенничать с ним Антал не собирался и уж тем более утешать, потому поторопился пройти мимо. Но Вейлин Гонтье не был бы Вейлином Гонтье, если бы промолчал, находясь в обществе прескверного:

— Если я узнаю, что ты причастен к смерти короля и принца, то оторву голову голыми руками. Поверь, мне хватит на это сил. Твоя тонкая шея хрустнет так громко, что даже после смерти этот звук будет обрушиваться на тебя оглушительным эхом. Я не прощу убийство монарха и наследника. Никому и никогда. И виновника обязательно отыщу.

Антал скривился от негодования и злости, но отвечать ничего не стал. По всей видимости, командир скорбел и к тому же испытывал стыд и вину за то, что монарха не сберёг. Вот и нападал на прескверного, потому что ему говорить позволено что угодно. Срываться на благословлённых он не имел права и вряд ли хотел. Потому Антал решил пропустить злые, полные желчи слова, мимо ушей. Хотя высказаться очень хотелось. Язвительная натура щекотала нервы, скребла по органам и требовала выхода. Она не принимала молчание. Но Антал не поддался.

Как вдруг раздался тот самый кошмарный звук. Звон до-

спехов. Прескверный замер, и первым его порывом было закрыть уши. Руки затряслись. К этому, как оказалось, нельзя привыкнуть. Тело само реагирует. Оно напугано и ожидает, что вот-вот получит пару-тройку ударов.

Обернувшись медленно, Антал увидел, что Вейлин постукивал себя по своей броне. Легко, кончиками пальцев. Но этого оказалось достаточно.

Смотрел командир угрожающе, а на лице вдруг появилась злобная ухмылка:

— Не нравится тебе, да? Побледнел весь. Помнишь, значит. И я не дам тебе забыть. Воспоминания эти держи при себе как талисман. Пусть всегда будут с тобой. Возможно, так ты подумаешь дважды, прежде чем совершишь очередную ошибку. Она станет роковой.

Вейлин открыто издевался, злорадствовал и потешался над душевными шрамами прескверного. Но даже сейчас он не поддался на провокацию.

Закрыв-таки уши, утихомирив сердце и приведя в порядок дыхание, Антал прошёл в гостевой зал, устроился там в кресле и ждал Рамона. Руки его дрожащие крепко вцепились в подлокотники и не отпускали, пока благословлённый не вернулся.

Утро следующего дня оказалось шокирующим. Проснулись обитатели Дворца Дезрозье от оглушительного шума и повскакивали со своих постелей, не понимая, что происхо-

дит. Дворец потряхивало, как от землетрясения. Он стонал, грохал и скрипел вымученно, как умирающий великан. Мебель подсакивала, съехав со своих мест. А потом произошёл сильный толчок. Каждый, кто стоял на ногах, рухнул. Столы и стулья перевернулись. Раздался громкий хлопок, и в окна ударили брызги и волны.

Антал выскочил из покоев и помчался к балкону, где застал Элейн. Стояла она, опершись на каменные перила, и смотрела вдаль. Ветер подхватывал её волосы, теребил юбку роскошного одеяния, а на смиренное лицо падали брызги.

— Что происходит?.. — изумлённо прошептал Антал.

Он подошёл ближе и посмотрел вниз, обнаружив, что остров, на котором и располагался дворец, вдруг опустился вниз и теперь стоял на воде.

Элейн ответила печально:

— Божественный пантеон, питаемый силой Сальваторе, пал. Связь с богом моего дворца и, должно быть, всего Эрхейса ослабела окончательно. Вот и не смог он больше в воздухе парить.

Антал тронул её за плечо:

— Мы это исправим. Три козлёнка из четырёх уже у нас.

Элейн кивнула, но безрадостно. Она всё ещё пребывала в подавленном состоянии. Смотрела вдаль и наблюдала за тем, как на берегу скопились люди, ошеломлённые произошедшим. Жители королевства, несомненно, беспокоились. Как ни скрывай от них правду, они всё равно её чувствуют и

видят прекрасно, что не всё в порядке.

— Через несколько дней коронация, — промолвила Элейн слабо. — Сразу после неё будем решать, что делать с четвёртым козлёнком.

— У тебя уже есть мысли на этот счёт?

— Никаких, — вздохнула принцесса. — Но я обязательно найду выход.

О смерти короля объявили. О смерти принца — тоже. Пришлось, иначе народ не понял бы, почему вдруг именно Элейн решила взойти на трон. Ведь наследником являлся Бартоломью. Его и надеялись видеть в качестве монарха. Да и скрывать подобное долго не удалось бы. Теперь это уже было ни к чему.

За эти дни к острову провели мост — простой, деревянный. На каменный не хватило бы времени. И теперь люди могли прийти сюда, где никогда не были и могли видеть дворец лишь издалека. Они явились, чтобы засвидетельствовать новую королеву. У подножия дворца собралась целая толпа, но ещё больше жителей королевства было на берегу. Многие стояли и на мосту, стараясь разглядеть происходящее получше.

Поддержать новую королеву пришли и знатные семьи. Они были приглашены внутрь самого дворца. Их представители с самого утра караулили Элейн, пытаясь завоевать её внимание. Им хотелось обратить на себя её взор и заранее

договориться о чём-то, обсудить какие-то насущные дела. В общем, поддержать хотели не по-человечески, не из сильной любви, а выгоды ради.

Антал же не беспокоил Элейн. Она и не ждала его или чьей-либо поддержки. До последнего не хотела появляться из своих покоев, а когда вышла, прескверный лишился дара речи — выглядела она потрясающе. Шагала гордо, в шикарном платье, в длинной мантии, волочащейся по полу, и с непоколебимой твёрдостью в глазах.

Она прошла на балкон, где её уже ждали летописцы, желающие продолжить историю Эрхейса, священники во главе с патриархом и собранный за считанные дни совет. Там же, конечно, присутствовала и семья Беланже.

Патриарх начал зачитывать речь — простая формальность. Потребовал у Элейн клятву, приказал всем присутствующим помолиться о душе новой королевы и благополучии королевства, а потом надел на наследницу корону.

— Властью, дарованной мне Пресвятым Сальваторе и избранными им благословлёнными семьями, я нарекаю Элейн Дезрозье королевой Эрхейса, — подытожил патриарх.

Народ ликовал и плакал. Они скорбели по королю и принцу, но радовались тому, что на трон взошла именно наследница фамилии Дезрозье. Благословлённая, а не невесть кто. Люди, несомненно, ощущали надвигающуюся беду. Были напуганы, тревожились о будущем. Но, глядя на Элейн, видели надежду. Ведь если у власти одна из избранных самими

Сальваторе, то не всё потеряно.

Церемония прошла быстро, хотя для Элейн, должно быть, она длилась целую вечность. Это не был праздник, бал устраивать никто не собирался. В конце концов, во Дворце Дезрозые траур. И после церемонии королева ушла обратно в свои покои. По всей видимости, чтобы прийти в себя. Чтобы посмотреть в зеркало, приглядеться к себе и понять, идёт ли ей новая роль. Достойна ли она её.

Антал застал её за этим занятием. Элейн не переделалась и не сняла корону. На неё-то она и смотрела, внимательно вглядываясь в своё отражение.

— Ты как с картины сошла, — произнёс он, остановившись в дверях.

Элейн даже не улыбнулась. Через отражение она видела Антала и спросила:

— А какими красками написана картина?

Прескверный закрыл двери и подошёл к ней, встав позади. Теперь он тоже смотрел на её отражение и ответил:

— Нежными. Мазки изящные, аккуратные. Но, знаешь, они очень уверенные. Тебя рисовали, желая показать силу и стойкость. А глаза!.. Ты просто посмотри на свои глаза. В них — смелость, в них — глубина и пронизательность.

Элейн обернулась, посмотрев на Антала. Улыбаться ей всё ещё не хотелось, но именно глаза, тем не менее, оживились. Взгляд сделался мягким.

Не успела королева ничего ответить, не успела даже про-

сто прикоснуться к прескверному, как их уединение нарушил до боли знакомый голос.

— Поздравляю, госпожа Дезрозье.

Вкрадчиво и игриво. Неискренне, злорадствуя. В такой манере говорила лишь Тенебрис.

Антал резко обернулся и увидел её. Сидела богиня на кровати, закинув ногу на ногу, и улыбалась. На лице бледном застыло недоброе веселье. Но вот взгляд выдавал истинные её чувства — она пронзала Антала, смотрела с едва скрываемой обидой и ревностью.

Элейн так и застыла на месте, не в силах пошевелиться. Ей было страшно. На неё медленно надвигалась паника. Не каждому благословлённому доводилось встречаться с самой Тенебрис лицом к лицу. Многие представляли её, опираясь на записи и изображения. И все, кто всё-таки однажды её видел, говорили одно — она страшна, как смерть. Как затишье перед бурей. Как надвигающаяся угроза.

— Зачем ты явилась? — спросил Антал настороженно.

Он машинально закрыл Элейн собой.

— Не прячь от меня королеву! — возмутилась богиня. — Дай хоть рассмотреть получше. Знаешь же прекрасно, что я не могу её тронуть, как бы сильно ни хотелось.

— Ответь на вопрос, зачем ты пришла? — Антал стоял на своём.

Тенебрис встала и прошлась по покоям, рассматривая убранство. Шагала она как хозяйка. Сложив руки на груди,

что-то оценивала.

— Меня не было тут так давно. В последний раз, когда Сальваторе убил моего сына. И с того времени многое изменилось. Надо сказать, у семьи Дезрозье всегда был хороший вкус. На вещи, на тряпье... — Она остановилась и посмотрела на Элейн. — На людей. Ты, госпожа, даже в прескверном сумела отыскать нечто ценное и привлекательное. В *моём* прескверном.

Элейн молчала и только слушала. Она пребывала в оценении.

Тенебрис продолжила:

— Но не за его сердце я пришла воевать. Это было бы низко. Я пришла, чтобы дать тебе, Элейн, выбор.

— Что такого может мне предложить сама Тенебрис? — ответила королева холодно. — Никаких общих дел у нас с тобой быть не может.

Богиня захихикала:

— А ты не торопись меня гнать. Сначала выслушай. Но не обещаю, что выбор будет простым.

— Слушаю, — согласилась Элейн.

— Я велю Вогану отдать вам козлёнка. Он послушает меня, его маму. Козлёнку, кстати, там очень нелегко. Мой сын спит с ним в обнимку и душит. С каждым днём ручки его на тонкой и хрупкой шейке последней частицы вашего излюбленного Сальваторе сжимаются сильнее. Козлёнку всё сложнее бороться. Ещё немного, и он погибнет. Тогда ни госпо-

дина Беланже не спасёте, ни бога вашего не вернёте.

— И что ты хочешь взамен?

— Антала, конечно же. Ты, Элейн, на него дурно повлияла. Мой прескверный вдруг почти обрёл свою волю и отказывается подчиняться. Где это видано? Я с такой наглостью в жизни не сталкивалась!

— Воля уже принадлежит мне! — возразил Антал, одарив богиню презрительным взглядом. — Как ни старайся, меня получить не сможешь.

Тенебрис вновь захихикала и ответила:

— О, нет, Антал. Не обманывай себя и госпожу Дезрозье. Ты забыл о кое-чём важном. Ты всё ещё не можешь плакать. А это *самое* главное. Мой главный завет! Именно он и лишает воли прескверного. И потому твоя свобода — лишь приятная иллюзия. И дело тут вовсе не в любви. Я не собираюсь соревноваться со смертной за твоё сердце, как уже и сказала. Дело в том, что я — твоя богиня и покровительница. Одарявая тебя проклятием, я отдала часть своей собственной души. И я не потерплю предательства. Верну тебя любым способом. Заберу *своё*.

Она снова обратилась к Элейн:

— Ну что, госпожа? Решай. Ты ведь теперь королева. Расставь приоритеты. На кону жизнь Рамона Беланже, жизнь самого Пресвятого Сальваторе и благополучие всего Эрхейса. А в противовес — какой-то там прескверный. В конце концов, ваши семьи столетиями подобных ему убивали.

Антал посмотрел на Элейн со страхом. Та была в не меньшем ужасе. Ответа она не дала, но точно задумалась. И это должно было ранить Антала. Этого Тенебрис и добивалась. Она хотела показать, что его предадут при удобном случае, что его не выберут. Им пожертвуют.

Антал продолжал смотреть на королеву, тем самым её мучая. Она же в свою очередь отвела взгляд, точно окаменев. Грудь её часто вздымалась, с губ срывались прерывистые выдохи. Элейн не знала, как ей поступить. А Антал не мог залезть ей в голову, чтобы узнать, о чём та думала.

Ему сделалось больно. Она, став королевой, должна была принять какое-то решение.

Тенебрис подливала масло в огонь:

— Если Антал спустится в могилу моего сына, то всё равно из неё уже не выйдет. Ты и сама это прекрасно знаешь, Элейн. Он погибнет там и козлёнка не вытащит. Тогда мы обе потеряем нечто ценное, верно? Меньшее из зол — согласиться на мои условия. Тогда все останутся живы. Антал будет на своём месте — у моих ног на поводке. Козлёнок — у тебя. И бог, которого вы так любите. Тебе всего-то и нужно, что прогнать этого прескверного прямо сейчас. Ему некуда будет идти, Элейн. И он вернётся ко мне — целым и невредимым. Антал всегда нуждался в ком-то. В одиночку ему тяжело.

Королева молчала. А Антал вдруг ушёл. Покинул покои быстро, хлопнув дверьми. Он не дал Элейн сделать этот вы-

бор. Он всё решил сам.

— Антал... — простонала та вслед едва слышно. Из глаз её покатались слёзы.

А Тенебрис, довольная сложившейся ситуацией, выдохнула. И, послав благословлённой воздушный поцелуй, произнесла:

— Спасибо. Твоё молчание оказалось сильнее слов. Да здравствует королева!

И богиня исчезла.

Глава 22. Недобрые вести

Для Элейн началась череда кошмарных дней. Ей было необходимо проглотить собственные чувства, какими бы они ни были, и приступить к обязанностям. Она много работала, изучала различные бумаги, оставленные отцом, что-то бесконечно подписывала и решала. Вот, к примеру, проблема с крупным рыболовным судном, на ремонт которого требовалось выделить деньги. А ещё нехватка рабочих рук и инструментов в шахтах. А ещё в небольшой провинции, расположенной далеко от столицы, видели Павшее Войско, и люди теперь очень обеспокоены, желают, чтобы им для защиты и караула выделили воинов. А вот там, в совсем маленькой деревушке, объявились проклятые. И всё ещё решить вопрос с подпольной торговлей проклятиями никак не удавалось. Амисситы по-прежнему не боятся власти и солдат и преспокойно продают скверну. А люди покупают! Покупают и проклинаят других людей! А ещё, ещё, ещё... ещё нужно спланировать похороны отца. А следом решить очередную только что возникшую или постоянную проблему.

И так с утра и до самого вечера. Это ещё повезло, что по соседству нет других королевств, и проблемы приходилось решать лишь внутри своего собственного.

Но больше всего Элейн беспокоилась из-за Антала. Она понятия не имела, куда он ушёл и вернётся ли. Верила в од-

но: она его очень обидела. Раз за разом возвращалась к мыслям о нём, о том дне, когда явилась Тенебрис и предложила сделать непростой выбор. Она надавила на самое больное, прекрасно зная, в каком уязвимом и шатком положении находилась Элейн. Богиня манипулировала, а королева побоялась что-то ответить, дала слабину. Честно говоря, она не могла понять, как Анталу удавалось противостоять Тенебрис, как он не боялся сказать ей хоть слово против... На это требовалось мужество. И сила. И, кажется, у Антала их всегда было больше, чем у всех благословлённых вместе взятых.

Так или иначе, несмотря на первобытный страх перед столь могущественным и пугающим созданием, Элейн не собиралась отдавать Антала. Нет, она даже не рассматривала этот вариант и в ту минуту отчаянно пыталась придумать лазейку, найти другой путь. Могла ли она как-нибудь обмануть Тенебрис? Вряд ли. Проницательная богиня прочитала Элейн, как открытую книгу, и сумела дёрнуть за необходимые ей ниточки. Она умело выбрала момент, когда прийти и выставить свои требования. Да, на деле это не был выбор. Это были именно требования, ведь богиня понимала, что от козлёнка Элейн отказаться не могла.

И сейчас она, сидя в кабинете отца, много размышляла. Ей было так тошно и горько, что хотелось кричать. Отсутствие Антала сводило с ума. Неизвестность — тоже. Ей не хватало прескверного. Хотелось увидеть его, услышать, прикоснуться...

Королева закрыла глаза, медленно вздохнув, и уронила голову на стол. Она скучала. Очень сильно. Антал не решил бы все проблемы за неё. Элейн это и не было нужно. Но он был бы здесь, пошутил бы, возможно, неудачно, или сделал бы приободряющий комплимент. А мог просто посидеть рядом молча, и этого оказалось бы достаточно.

Не верилось, что Антал ушёл навсегда и вернулся к Тенебрис. Он обещал, что подобного не случится. Однако обещал до того момента, как Элейн сама вдруг продемонстрировала сомнения и нерешительность. Вдруг прескверный больше ей не верит? В действительности посчитал, что его предали? И где он сейчас? О чём думает?

Думает ли об Элейн?

Она не знала. И мучала себя, терзала домыслами и догадками. Так многое хотелось сказать ему. Хотелось выбежать на балкон и закричать во всё горло о том, что он — не разменная монета и не способ достижения цели. В надежде, что Антал услышит и поверит. Даже если не пожелал бы вернуться, он должен знать это.

И, так уж вышло, что про Антала сейчас думала не только королева. Совет не унимался. Они внушали Элейн мысль о том, что его просто необходимо держать где-то поблизости, наблюдать за каждым его действием, знать, о чём он думает... Иными словами — они хотели его преследовать и контролировать. Лишь потому, что он — прескверный. Предлагали даже отыскать и запереть в той самой темнице, где ко-

гда-то его жестоко убили. Королеве эта мысль претила. Вызывала настоящий ужас и отвращение. Она и не подумала бы посадить Антала под замок. Тем более не решилась бы притащить его в место собственной гибели. Она была плохой королевой и не прислушивалась к советам окружающих. Так, по крайней мере, вероятно, рассудили люди при дворе.

В двери постучали. Подняв голову со стола, Элейн громко произнесла:

— Войдите.

На пороге показался советник — господин Акуила Гроссо. Лёгко на помине.

— Госпожа, я принёс важную весть.

Говорил он безрадостно. В голосе слышалось напряжение. Во взгляде читался страх. Дыхание его сбилось. Казалось, господин Гроссо бежал. Да так быстро, что щёки порозовели, и накидка с одного плеча съехала.

Был он человеком мнительным и боязливым. Потому, вероятно, громче всех заявлял о том, как важно посадить Антала под замок. Был у него также нервный тик — Акуила в момент сильного переживания подёргивал уголком губ. Вот и сейчас он нервничал, дёргался и очень хотел заговорить, но не смел без разрешения открыть рот.

Но, надо отдать должное, несмотря на трусость, Акуила Гроссо — единственный, кто решился вернуться во дворец на службу, ведь он и раньше был советником.

Остальные побоялись. Даже слуги. Набрать новых не со-

ставило труда. А вот те, предыдущие, видимо, лишь раз увидев развернувшуюся внутри дворца трагедию, теперь страшились даже просто посмотреть в его сторону.

— Я вас слушаю, господин Гроссо, — сказала Элейн.

Тот прошёл вглубь кабинета и затараторил, понизив голос.

— Госпожа, мы получили сообщение о том, что из деревушки близ Уэльтиса ушли все люди. Слышали, наверное? Деревня там маленькая есть, Лигна называется.

— В каком смысле ушли? Куда?

— В лес, госпожа. В лес! И не вернулись до сих пор. Просто взяли и ушли. Побросали свои вещи, оставили дома и скотину. И нет их! Но, самое странное то, что и с окраины Уэльтиса люди пропадать начали. Уэльтис, вы знаете, город большой. На границе королевства расположен, тоже рядом с лесом. Там, в основном, рабочие живут, дровосеки. Люди крепкие, сильные. Они древесиной снабжают другие города. Так вот, говорят, пропали рабочие! Ушли, как обычно, деревья рубить и не вернулись. А такого не было никогда.

Говорил он много ненужной информации. Элейн и без того прекрасно знала, что это за город. Но Акуила, видимо, решил, будто королева — столь юная и, к тому же, женщина — о многих вещах, происходящих в королевстве, не ведала. Потому уточнял, разжёвывал, по полочкам раскладывал то, что Элейн знала ещё с детства.

— Что делать велите, госпожа? Странно это всё. И страшно!

Королева задумалась. Просто так целые толпы людей не могли уйти. Их, несомненно, прокляли. Выходит, тот, другой прескверный, что-то затеял. Точнее, не столько он, сколько Тенебрис. Для чего им люди? Куда они их ведут?

Панике она поддаваться не собиралась. Синие глаза точно остекленели и метались. Тревожные мысли проносились в голове, сталкиваясь друг с другом. Элейн отчаянно искала решение проблемы. А потом пришла к одному главному выводу: необходимо в первую очередь спасать людей. Только вот без благословения ни одно проклятие не снять, даже какое-нибудь простенькое «безволье», каким, очевидно, люди и охвачены.

Но и сидеть сложа руки нельзя.

— Госпожа, позвольте высказаться...

Элейн уже догадывалась, о чём именно. Он кивнула.

— Прескверный, которого вы отпустили... я не сомневаюсь, что это его рук дело.

— Я согласна с ним. — В кабинет вошла Надайн. — Я явилась, чтобы высказать ту же догадку. И дать совет, если позволишь. Элейн, его нужно найти. И ограничить.

— И чем же обоснована ваша уверенность? — пробубнила королева, нахмурившись. — Я с удовольствием выслушаю или взгляну на неопровержимые доказательства, если такие у вас имеются.

В дверях Элейн заметила и Рамона. Но он не спешил высказываться и, опершись о косяк, молчал. Сложив руки на

грудь, наблюдал.

— Господин Гроссо, прошу, покиньте кабинет. Нам с королевой необходимо поговорить лично, с глазу на глаз, — попросила Надайн строго.

Тот хотел было что-то сказать, но не стал перечить и вышел. Рамон закрыл за ним дверь. Надайн продолжила попытки достучаться до Элейн:

— Послушай, я буду говорить прямо. Какими бы ни были твои чувства к прескверному, они не должны тебе мешать принимать правильные решения. Элейн, он никогда не был человеком. Да, он... нетипичен. Даже помог нам. Помог моему сыну тогда, когда я была бессильна. Но от влияния Тенебрис он не сможет избавиться никогда. Это просто невозможно. Даже Сальваторе не способен освободить прескверных от их бремени. Мне жаль, что ты поверила этому прескверному. Но, как видишь, он ушёл. И не вернулся. Не знаю, что между вами произошло, но после его исчезновения внезапно начали пропадать люди. Причём в немалом количестве! Возможно, по какой-то причине ты или всё наше общество перестало быть полезным для Тенебрис. И она велела ему уйти. Возможно, увидев нашу слабость, она решила на что-то. Что-то поистине ужасное.

Элейн внимательно слушала. Лицо её было бесстрастным, а взгляд — ледяным. Ещё холоднее, чем у самой Надайн.

Госпожа Беланже подошла ближе, оперлась на стол руками, наклонившись, и продолжила:

— Элейн, услышь меня. Прямо сейчас необходимо собрать войско и пойти штурмом. Нужно прочесать лес там, где последний раз видели пропавших.

— И зачем же нам для этого целое войско, позволь узнать?
— процедила сквозь зубы Элейн.

— Потому что прескверный вышел из-под контроля. Ты позволила ему выйти из-под контроля. Может, он на что-то обозлился. А, может, он никогда и не был нам другом. Так или иначе, сейчас он слишком опасен. А мы утратили благословение. Противостоять взбунтовавшемуся прескверному без него не сможем. И спасёт нас либо удача, либо грубая сила в большом количестве. Потому нужно войско.

— У него есть имя, — ответила Элейн твёрдо. — Его зовут Антал. Не смей говорить о нём, как о чудовище, Надайн. Сама сказала: он спас твоего сына. А мог пройти мимо. Рамон не рассказывал тебе, как именно Антал заботился о нём? Тенебрис ни за что не отдала бы приказ так выхаживать проклятого благословлённого. Это было решение Антала. И только его! К тому же, многие вещи указывают на то, что есть другой прескверный. Второй. Тебе это тоже хорошо известно. Потому я ни капли не верю в причастность Антала к пропаже людей. Нравится это совету или нет, мне всё равно. Нравится это тебе или нет, мне абсолютно плевать. Я за многое тебе благодарна, но решения буду принимать сама.

Надайн отстранилась. Лицо её разгладилось, сделалось спокойным и даже уставшим.

— Я не желаю тебе зла, Элейн. И понимаю, как тяжело тебе сейчас. Потому лишь хочу помочь. Твоё бездействие будет дорого стоить. Уж я-то знаю, поверь. Ты попросту сама себя не сможешь простить. Это ещё повезёт, если народ не взбунтуется.

— Я всё сказала! — рывкнула королева, ударив ладонью по столу. — И больше не желаю ничего слышать об Антале. Не собираюсь охотиться на него, точно на зверя какого-то! Не после всего, что он сделал для нас!

— Это неверное решение, Элейн, — прошипела Надайн. — Ты совсем потеряла голову! Неужели не понимаешь, что никого таким образом не спасёшь? Ты всех нас обрекаешь на страшную гибель! Пока жив прескверный...

Элейн вдруг вышла из себя и закричала, вскочив со стула:

— Не смей указывать мне, Надайн! Я не собираюсь выслушивать твою критику! И в советах твоих больше не нуждаюсь. Вон из моего кабинета!

Надайн больше ничего не сказала. Лишь сощурила глаза презрительно и, развернувшись резко, ушла. Хлопнула дверью, оставив после себя устоявшееся в воздухе напряжение.

— Тоже хочешь высказаться? — Элейн метнула в Рамона дикий взгляд. — Чего молчишь?

Тот вздохнул и ответил:

— Нет, я лишь пришёл убедиться, что голову тебе совет не задурил. Мы с тобой оба знаем, что Антал к происходящему не причастен.

Королева устало рухнула на стул, массируя переносицу:
— Я очень на это надеюсь.

Она помолчала пару мгновений, а потом тихо произнесла:

— Рамон, что мне делать? Стыдно спрашивать. Стыдно показывать своё незнание. Но я лишь с тобой могу посоветоваться. Никто меня не поймёт, кроме тебя.

Благословлённый принялся расхаживать по кабинету, размышляя. А потом ответил:

— Думаю, на твоём месте я всё-таки собрал бы войско, но ради спасения людей. Не для выслеживания *нашего* прескверного. И кое в чём мать моя права. Мы действительно бессильны сейчас. Безоружны. И бросать вызов прескверному с пустыми руками сродни самоубийству. К тому же, мы до сих пор понятия не имеем о том, кем он является. Не знаем, кого искать! А если бы и знали... Даже твой придворный верзила, каким бы крутым и сильным ни был, ничего избраннику Тенебрис противопоставить не сможет.

— Я это понимаю.

— Но сможет Антал. Именно Антал, по крайней мере, выстоять против другого прескверного способен.

— Антала здесь нет. Я понятия не имею, где он.

— Но так уж вышло, что он — наш единственный козырь. Уж не знаю, это какая-то насмешка судьбы или дар вселенной, но отказываться от помощи господина Бонхомме мы не можем.

Элейн подняла на Рамона уставший взгляд:

— Почему ты так уверен, что он захочет помочь? У него своих проблем достаточно. Его, на минуточку, могущественная богиня желает в своё рабство вернуть. Настолько сильно, что явилась лично и дала мне понять, как было бы лучше поступить для нас всех. Я... я хочу, чтобы Антал был моей опорой. Но не могу просить его о помощи. Только не о такой. К тому же, он ушёл. Не захотел здесь больше находиться.

Голос королевы дрогнул:

— И, быть может, не хочет больше меня видеть.

Рамон закатил глаза, но ответил при том мягко, сдержав желанную колкость:

— Послушай. Сейчас тебе нужно заняться делами государственными.

Он указал на бумаги, разбросанные по столу:

— Подпиши какие-нибудь указы, поставь печати, где требуется... В общем, решай проблемы последовательно. Ведь, несмотря на нависшую угрозу, не стоит забывать и о других, менее значительных вещах в королевстве. Покажи людям, что даже во время кризиса ты о народе не забываешь и изо всех сил стараешься улучшить их жизнь.

Элейн в изумлении широко распахнула глаза:

— А... как же пропавшие? О чём ты говоришь вообще? Как я могу?..

Рамон выставил перед собой руку, заставив Элейн замолчать:

— А с пропавшими разберусь я.

— Чего?! Рамон, иногда твоя самоуверенность все границы переходит! Что ты собрался сделать? Ты в последнее время едва на ногах стоишь. Кровью харкаешь всё больше! Я... я... я бы, конечно, жизнь тебе доверила, но при нынешних обстоятельствах...

Рамон посмотрел на неё возмущённо и выпалил:

— Ваше величество, а закройте-ка рот! Пока я не обиделся. Как именно я собрался решать проблему с пропавшими — моего ума дело. В конце концов, я тоже государственное лицо, если не забыла! Я наследник благословлённой семьи Беланже! Второй по значимости и силе. Помогать короне и грудью стоять за Эрхейс — моя прямая обязанность. Умом и должными знаниями не обделён. Сила? Она тоже ещё при мне. Но, главное, вера.

Рамон сжал решительно кулаки:

— И я сделаю всё, чтобы спасти людей и вернуть Пресвятого Сальваторе. Сделаю так, как смогу. Неидеально. Возможно, умру. Но все усилия приложу! А ты, как я уже сказал, сиди спокойно и решай насущные проблемы.

Королева ничего не ответила, ошарашенная пламенной речью. А Рамон тем временем уже подошёл к дверям и, обернувшись в пороге, добавил напоследок:

— Я уже говорил: не смей во мне сомневаться. Никогда! И о том, на что я способен или нет, могу решить лишь я сам. Даже тебе это неведомо, госпожа Дезрозье. До встречи. Не скучай!

И он ушёл. А Элейн, борясь с дрожью, решила-таки послушать совета Рамона. Взявшись за перо, принялась подписывать важные бумаги.

Глава 23. Господин Беланже действует

Рамон подготовился. Перед уходом из дворца он заглянул в оружейную и облачился в доспехи. Выбрал лёгкую защиту из кожи, не решился надеть тяжёлую броню. Предвидел, что придётся побегать. Ловкость и проворство могут очень пригодиться.

Честно говоря, казалось, что любые доспехи в его случае будут бесполезны, но с ними Рамон чувствовал себя увереннее. И, застегнув последнюю заклёпку и подвязав пояс, перешёл к выбору оружия.

Правда его отвлекли. Очередной приступ — один из тех, мучительных и зачастивших — коварно напал исподтишка. Согнувшись пополам, Рамон сплюнул в платок кровавые комки, смахнул со лба проступивший пот и постарался перевести дыхание. Страшно хотелось упасть и передохнуть. Перед глазами плыло. В ушах звенело. Он понимал: времени осталось совсем немного. Скоро он умрёт. Рамон боялся представить, насколько сильно проклятие изъело его органы. Даже поражался тому, как всё ещё мог стоять на ногах. Он и так слишком уж задержался. Любого другого «проклятые муки» давно убили бы. А ему какие-то неведомые силы раз за разом дают шанс прожить подольше. Именно поэтому Ра-

мон не мог бездействовать. Он не столько надеялся на выздоровление, сколько на выполнение своей главной задачи — возвращение Сальваторе и спасение души Бартоломью. Ему бы ещё немного времени... Ещё чуть-чуть, самую малость!.. Он успеет. Он обязательно успеет! А уж потом можно лечь и умереть наконец спокойно.

— Не пущу.

Рамон вздрогнул, обернувшись. В оружейной стоял Эней, смотрящий на племянника с тревогой.

— Я тебя не пущу.

Он кивнул на кровавый платок, который можно было выжимать:

— Взгляни на... это. Ты ведь не настолько глуп, Рамон. Понимаешь же, что не выступишь. Не знаю, что ты задумал, но у тебя нет на это сил.

Рамон процедил сквозь зубы:

— Знал бы ты, как сильно твоя опека раздражает. Я не спрашивал твоего мнения, Эней! Мне не пять лет.

Он тут же пожелал о сказанном. Взглянул на своего дядю — перепуганного и осунувшегося — и прикусил язык. Но Эней будто и не обиделся вовсе. Привык, видимо, к строптивому характеру племянника и только ответил:

— Ты единственный наследник. Что будет, если ещё и тебя потеряем? Надайн слишком гордая, чтобы прийти к тебе и об этом сказать. Она не станет уговаривать остаться, хотя, я точно знаю, ей ужасно за тебя боязно. Но я молчать не мо-

гу. И на гордость мне плевать. Рамон, мы твоей гибели не переживём. Я лишь убедился в этом, когда умер Нерон. Думаешь, его прескверный убил? Фактически да. Но погиб он именно в тот день, когда увидел труп собственного сына. И я погибну, как он, если тебя хоронить придётся. Ведь ты мне тоже... как...

— Сын? — закончил Рамон фразу.

Эней кивнул, опустив взгляд.

Молодой господин Беланже ответил:

— Что ж. А ты мне как отец. Отец, который научил всему, что должен знать будущий мужчина. Который помог овладеть оружием так, как никто в королевстве. Ты вложил в меня многое, Эней. В том числе и верность короне, самому себе и своему долгу. Потому должен понимать, что я не могу сидеть и ждать, пока эта буря пройдёт. К тому же, выбора у меня особого и нет. Бездействие точно так же приведёт к неминуемой смерти. Я ведь проклят. И оставшееся у меня время планирую потратить с пользой. Потому не уговаривай меня, прошу. Я всё равно не послушаю.

— Я пойду вместо тебя. Расскажи о своих планах. Я всё сделаю, что требуется! Но только останься.

— Ты так же бессилен, как и я. Но я, в отличие от тебя, заведомо обречён. Поэтому нет. Помогите Элейн. А у меня есть право уйти и самому распоряжаться своей судьбой.

Больше Эней не спорил. Лишь стоял, переминаясь с ноги на ногу и то и дело отводил печальные глаза. Сердце его

разрывалось на куски. Однако Рамон точно знал, что дядя испытывал за него гордость. И, несомненно, страх.

Рамон продолжил выбирать оружие, но достойное так и не отыскал. Его излюбленный, начищенный и наточенный смертоносный меч покоился в оружейной дома, в усадьбе. Вероятно, придётся сначала его забрать, а потом уже отправляться в путь.

Он собирался уходить, когда произнёс:

— Я вернусь.

Давать пустые обещания благословлённый терпеть не мог, но знал, что именно эти слова Эней больше всего и хотел услышать. Они давали надежду. Дядя даже смог улыбнуться вымученно. И в напутствие помолился.

А Рамон, выходя из дворца, прихватил с собой товарища. Никому в данный момент он не был нужен, но вот молодому господину Беланже мог очень пригодиться.

Рядом вприпрыжку шагала Альва, весело лялякая какую-то мелодию. Он понятия не имел, куда его вели, и зачем потребовался вдруг Рамону, но тем не менее преданно следовал за ним, готовый к любым испытаниям и приключениям.

Столица встретила путников похоронной процессией. На главной торговой улице собралось много людей. Плакали, причитали и молились, конечно же. Многие, да не все. Некоторые продолжали жить своей жизнью: дети проносились

мимо, не обременённые пониманием самой сути смерти, торговцы, не покидая своих лавок, втюхивали товар, громко зазывая прохожих, и экипажи не замедляли хода — им не было интересно, кто в очередной раз покинул этот мир.

А вот Рамон вдруг этим вопросом заинтересовался. Людей всё-таки собралось много. Провожали кого-то знатного, не простого рабочего. Неужели умер кто-то из аристократии? Кто-то знакомый? Но почему тут, на торговой улице, а не в районе «высоких стен»?

Благословлённый подошёл ближе, аккуратно обходя людей. Он хотел взглянуть на покойника, а когда добрался-таки до гроба, обомлел. Едва не оступился и не рухнул! Там, в деревянной коробке, обшитой таким красивым бархатом, в цветах лежала Евадне Реверди. Бледная, молчаливая. Потухшая.

— Молодая! Красивая! Кому же потребовалось жить её губить? — вопрошала стоящая рядом женщина, утирая платком нос.

А позади шептались:

— Да муж это её. Добрался-таки. Грозился же убить. И вот...

— Так Лабарр и сам пропал без вести. Не видно его уж давно.

— Так потому и не видно! Специально он не появлялся, мол, отстал от жены своей бывшей, отпустил. А сам месье готовил. И прячется теперь, наверное.

Какая-то старушка, одетая богато, коснулась руки Евадне и, смахнув слёзы морщинистой рукой, простонала:

— Спокойная какая лежит! Тихая! Как будто спит. Хорошая она была! Не заслужила участи своей!

Мужчина, снявший шляпу, с грустью вздохнул:

— Не услышать нам теперь её звонкий смех. Не хочет госпожа Реверди больше смеяться.

Рамону поплохело. Накатывал очередной приступ. Бросив опустошённый взгляд на Евадне, он поспешил выйти из толпы, которая стала вдруг давить. Вытащил платок и прикрыл рот, готовясь харкаться кровью.

Альва, идущий рядом, громко и торжественно объявил:

— Там тётя красивая в гробу! Умерла.

Рамону захотелось его пнуть посильнее. Чтобы отлетел куда подальше и заткнулся. Но понимал, что гонец — существо безмозглое и, как выяснилось, жестокое. Однако правду он сказал. Равнодушную и безжалостную, но правду.

Евадне понравилась Рамону в тот вечер на аукционе. И смех её он мечтал услышать ещё хоть раз. Планировал на ужин позвать. И позвал. А она не придёт. Четно говоря, тогда он и сам не знал, сможет ли прийти. Доживёт ли до него. Но надеялся.

Это не была любовь с первого взгляда, как любят писать в книгах. Конечно, до настоящей любви было ещё далеко. Но сердце за невинную и столь юную девушку у господина Белланже болело. Кому понадобилась её смерть? Выяснить это

Рамон планировал лично, но не сейчас. Нельзя отвлекаться, как бы сильно ни хотелось! Ведь Евадне всё-таки уже ничем не поможешь.

А Альва всё не унимался. Складывалось впечатление, что он не отстанет, пока на него не обратишь внимание. Гонец дёргал Рамона за рукав и продолжал:

— Господин, тётя! Там тётя умерла!

Рамон рывкнул, убрав руку:

— А ну закрой рот, гадость такая! Пока голову твою фарфоровую на растоптал!

И Альва, получив желанное внимание, смолк. Однако его по-детски невинная улыбочка, застывшая на неживом белом лице, бесила Рамона. Он постарался не смотреть в сторону гонца и уже мечтал о той минуте, когда его можно будет сослать обратно во дворец.

Вдвоём они направились в сторону района «высоких стен», в усадьбу. Проходя мимо театра, Рамон сбавил шаг и едва шею не свернул не в силах оторвать глаз. Там, на сцене, сейчас, вероятно, выступал Бартоломью. Захотелось войти и взглянуть на него. Это не сулило ничего хорошего. И, возможно, это убило бы Рамона на месте. Быть может, сил не хватило бы идти дальше, и он остался бы в зрительном зале навсегда. Потому благословлённый не остановился. Испытал при этом смесь самых отвратительных чувств, но шёл дальше. Ужасно, но даже Бартоломью не столь важен сейчас. Ведь и ему уже ничем нельзя помочь. Принц, поражён-

ный проклятием, несомненно, мучался. Он, конечно, мечтал отыскать желанный покой. Но ему придётся потерпеть ещё немного. И настанет час, когда Рамон явится к нему. Бартоломью отвесит последний свой поклон и уйдёт со сцены навсегда. А пока... пока пусть выступает, окончательно забывая себя.

В усадьбе всё было тихо и спокойно. Слуги лениво выполняли свою работу — начищали полы, которые и без того уже блестели, протирали несуществующую пыль, меняли цветы в вазах... Им пока некому прислуживать, ведь хозяева в отъезде. Однако дворецкий всё равно с необычайным рвением следил за их работой, содержал дом в чистоте и порядке. Наверное, от скуки. Из-за затишья. И это хорошо! Рамон был рад, что в усадьбе всё шло своим чередом, без происшествий. Значит, никаких прескверных тут нет.

Он вошёл в дом и сразу направился в оружейную, где остановился перед постаментом со своим мечом. Отличался он от других мечей тем, что имел широкое и довольно тяжёлое лезвие. Любому другому солдату приходилось бы держать его обеими руками, но Рамон запросто справлялся и одной. Размахивал им без особого труда, мог легко занести над головой. И золочённую, изящную рукоять, инкрустированную рубинами, он любил. Рамон никогда не стеснялся пафоса. Он следовал за благословлённым всюду, точно шлейф от духов.

— Меч, господин, очень красивый! — пролепетал Альва. Рамон ничего ему не ответил и лишь убрал своё оружие в ножны. Но Альва не сдавался:

— Господин! Меч! Меч красивый, господин!

Вместе они покинули усадьбу Беланже, и наконец наступил момент, когда Рамону требовалась помощь гонца. Тот продолжал твердить одно и то же:

— Господин! Господин! Мой господин! Меч красивый! А на торговой улице тётя умерла!

Рамон присел перед ним на корточки и, встряхнув за плечи, прикрикнул:

— Тихо! Замолчи и слушай! Наконец от тебя будет польза.

— Слушаю, господин! — улыбался Альва, глядя на него не моргающими белёсыми бусинами.

— Отыщи мне господина Бонхомме. Антала Бонхомме. И приведи меня к нему.

Альва смолк и замер, стоя на месте пару мгновений. Поначалу Рамону даже показалось, что эта кукла сломалась. Но потом Альва вдруг вздрогнул, и голова его медленно повернулась в сторону. И поворачивалась до тех пор, пока не сделала полный оборот! Он будто прочесал взглядом окружение в поисках нужной дороги. Однако это было не всё. Гонец вдруг чуть привстал на носочки, насколько позволяли ему неподвижные фарфоровые ножки, и принялся. Он ловил носом ветер, который, по всей видимости, должен был при-

нести ему запах крови искомого человека.

— Нашёл, господин! — пропищал Альва радостно.

— Ну так веди.

Он чуть откинулся назад, чтобы посмотреть вверх, на Рамона, и протянул ладошку:

— Руку мне дадите?

— Вот уж нет. Шагай, а я буду рядом.

И Альва послушно пошёл вперёд. Рамон спросил:

— Куда мы хоть направляемся?

— Туда, — ответил гонец и не соизволил даже указать рукой направление.

Рамон нахмурился от непонимания, но попытки выяснить дорогу бросил. Понял, что бесполезно это — Альва глуп и пуст, самая обыкновенная ожившая статуя. Да и не так важно, куда идти. Главное, найти Антала, где бы тот ни находился.

Альва шагал вперёд, уводя Рамона в лес. Шли они долго, не останавливаясь, пока не очутились в самых дебрях. Тут некуда было и ступить — тропинки давно поросли травой, тут и там торчали кривые корни деревьев, а меж их стволов, сцепившись друг с другом тонкими веточками, замерли кустарники. Пришлось даже перелезть через старый бурелом. Здесь Альве понадобилась помощь. Застыв на месте, он отказывался идти дальше, сетуя на то, что ростом мал и взобраться по сухим и давно умершим стволам не сможет. Рамон, конечно, ему помог — схватил за шкурку, как котёнка,

и потащил за собой, а потом и на обратную сторону перекинул. И что-то господину Беланже подсказывало, что гонец приврал. Ведь не было в этом мире такого места, куда он не смог бы попасть. Неужели за грубость так наказывал? Или внимание привлекал? Так или иначе, считать его слишком уж глупым было ошибкой.

— Я устал, господин! — вдруг выдал Альва громко, точно возмущаясь.

Рамон медленно обернулся и посмотрел на него с изумлением. И изумила его откровенная наглость!

— Да что ты говоришь?! — ответил он саркастично. — И что предлагаешь? Понести тебя?

Альва кивнул. Рамон разозлился и, схватив гонца за ухо, точно нашкодившего ребёнка, принялся ругаться:

— Я тебя сейчас так отшлёпаю, мало не покажется! Будешь крокодиловы слёзы лить и молить меня о прощении!

— Ай! — с улыбкой пискнул Альва.

— Ухо оторву, гадёныш! Вы посмотрите на него! Считаешь, будто за пределами дворца можно вести себя неподобающе? Тем более со мной! Забыл, кто я такой? Отвечай немедленно!

— Нет, господин, не забыл! Альва не забыл! — Гонец продолжал улыбаться и выглядел действительно довольным. — Прошу прощения! Не наказывайте, смилуйтесь!

Рамон отпустил его и достаточно грубо отпихнул от себя. Альва получил-таки своё — внимание. Смог вывести на

эмоции. Но зачем ему это? Вероятно, даже семья Дезрозье не знала наверняка, что творилось в его голове, и в чём на самом деле мог нуждаться этот искусственный мальчик. Но Рамон сделал вывод о том, что тот питался энергетикой и получал удовольствие от боли — своей или же чужой. Маленький, премерзкий мазохист. И психопат, возможно. Одной крови ему было мало.

Благословлённый сморщился и почти выплюнул слова:

— Фу! Проклятое отродье! Порождение божественного разложения и смерти!

Гонец, как ни в чём не бывало, поскакал дальше на негнущихся ногах. Зрелище это было ужасным — точно сломанная игрушка или марионетка, управляемая неумелым кукловодом.

— Куда побежал? — бросил Рамон ему вслед.

— Туда.

И вновь Альва не указал направление. Рамону оставалось лишь следовать за ним и по возможности не отставать. С тяжёлым вздохом он поплёлся вперёд. Он устал. Очень вымотался! Столь долгие походы сейчас были сродни пыткам. А тут и к горлу подкатил комок вкуса железа. Благо никого поблизости нет, и можно плевать направо и налево.

Темнело. Альва уводил в самую глубь. И ни капли он не устал, ведь шёл вприпрыжку, очень даже резво! Наврал гад такой! Хотел воспользоваться ситуацией и покататься на

спине молодого господина!

Сам Рамон, кстати говоря, едва волочил ноги. Ему пришлось останавливаться, чтобы перевести дыхание. Он опирался на стволы деревьев и боролся с головокружением. Ещё и одышка замучила. Но сильнее всего хотелось выругаться, наорать на гонца и обвинить во всех бедах, чтобы хоть на ком-то выместить негодование. В какой-то момент Рамон даже предположил, что Альва водил его кругами. Намеренно. Ведь характерами они, увы, не сошлись. Однако вскоре впереди слышались голоса.

— Где мы? — спросил благословлённый шёпотом.

Альва ответил громко:

— Развалины храма. Мы прибыли! Господин Бонхомме прямо тут!

— Какие ещё развалины...

Голоса впереди стихли. Рамон выглянул из кустов и увидел поляну, среди которой действительно располагались какие-то руины. Там было разрушенное временем маленькое здание. Неужели в самом деле храм? Один из тех, что строились столетия назад.

А на ступенях его осыпавшихся стоял Антал. Он тяжело дышал и дёргался, то и дело закрывая уши и жмурясь.

Рамон радостно воскликнул:

— Антал! Я тебя нашёл!

И сделал в его сторону несколько торопливых шагов. Альва тем временем едва слышно съязвил, не пряча улыбки:

— Конечно. Именно вы и нашли.

Рамон даже забыл об усталости и общем недомогании, услышав столь дерзкое высказывание. Он зыркнул на гонца с таким нажимом, что, казалось, на личике его фарфоровом должна была образоваться вдруг трещина.

— Я велю тебя казнить, чудовище! — выругался благословлённый.

Внезапно из-за спины Антала медленно и изящно вышла сама Тенебрис. Босыми ногами она ступала по каменным лестницам и, встав рядом, ревностно вцепилась в руку прескверного. Буквально повисла на нём. А потом нежно пролепетала:

— Это он о тебе, Антал. За тобой явились-таки благословлённые.

Рамон лишился дара речи, узрев богиню. Дыхание перехватило. В ногах появилась слабость. То был первобытный страх перед могущественным бессмертным существом. И насколько она была страшна, настолько же и красива. Искусительница во всём своём естестве.

Рамон замер, широко распахнув глаза. Он не мог оторваться от Тенебрис. Рука сама опустилась на эфес меча, будто оружие могло его спасти. А потом взгляд метнулся к Анталу. Тот по-прежнему пыхтел и, понуриив голову, смотрел исподлобья. Затравленно, угрожающе. Как на врага. В глазах его серых было... презрение? И каждая мышца оказалась напряжена, на шее вздулись вены. Сжав кулаки, пре-

скверный будто желал напасть.

Не сразу Рамон обратил внимание на его внешний вид: волосы были растрёпаны, одежда помята и даже порвана местами. Неужели... он...

Благословлённый машинально попятился.

Тенебрис указала в его сторону пальцем и приказала Анталу:

— Убей Рамона Беланже. Я не могу, но можешь ты. Слишком уж долго благословлённые на тебя плохо влияли.

— Антал? — сорвалось с губ Рамона слабо.

Прескверный сделал шаг — натужно, будто нехотя. И вымученно простонал. Он медлил, не бросался в бой. И Тенебрис это вывело из себя. Она, схватив Антала за шею и чуть придушив, заставила его наклониться. Чтобы он был на её уровне, чтобы суметь повторить приказ ему прямо в лицо, процидив сквозь зубы.

— Я сказала тебе: убей Рамона Беланже. Подчиняйся! Немедленно! Прямо сейчас сверни ему шею! Задуши! В ключья разорви, ведь тебе это под силу! Сделай что угодно, но выполни приказ!

В полумраке глаза прескверного опасно сверкнули. Тепло окутал дурман-дым. Рамон в этот момент утратил всякую надежду. Он уже знал: убежать не получится. Его догонят очень быстро. Противопоставить прескверному нечего. И меч в сложившейся ситуации — всего лишь бесполезная железка.

В горле пересохло. Внутри образовалась пустота. Вот и всё, да? Рамон Беланже падёт вовсе не от проклятия. Его убьют по старинке. Руками.

— Здесь опасно, господин, — произнёс вдруг Альва.

И даже он вдруг стих, точно испугался.

Рамон нервно сглотнул. Однако сдаваться так просто не хотелось. Рука всё ещё лежала на эфесе. На эфесе такого бесполезного и никчёмного меча.

Антал тем временем вдруг резко оттолкнул Тенебрис и теперь уже сам схватил её за горло. Да так сильно, что та вздрогнула и ахнула. Прескверный посмотрел ей в глаза и, подавив дурман-дым, громко произнёс:

— А ну прочь из моей головы, тварь! Пошла вон! Не смей приближаться ко мне и моим близким! Не смей указывать мне, что делать!

Тенебрис, задыхаясь, скалилась, точно зверь. А потом размахнулась и дала Анталу звонкую пощёчину. С губы его потекла струйка крови. Он отпустил богиню, грубо отшвырнув. Та в свою очередь бросила на Рамона испепеляющий взгляд и произнесла:

— Ненавижу. И отомщу. Если бы не ты... если бы ты не явился вдруг откуда ни возьмись...

И она исчезла, напоследок в ярости завопив. Крик её пронёсся оглушительным эхом по всему лесу, а потом растворился в воздухе. И наступила тишина.

Рамон не спешил расслабляться. Он смотрел на Антала с

опаской и даже страхом. Прескверный, чуть пошатнувшись, уселся на ступени и, спрятав лицо в ладонях, приходил в себя. А потом, выдохнув, сказал:

— Прости за это, Рамон. Я не хотел тебя пугать.

— Опасность миновала, — констатировал Альва.

А Рамон, тоже выдохнув, ответил с напускной самоуверенностью:

— Пугать? Тебе нужно очень постараться, чтобы я действительно испугался! Много на себя берёшь, Антал.

Прескверный усмехнулся. И Рамон наконец смог подойти к нему. А потом, сев рядом, вдруг крепко обнял.

— Я думал... я уж было поверил, что ты...

Антал похлопал его по плечу и заверил:

— Нет. Никогда больше.

Глава 24. Гнев мстительной богини

— У меня много вопросов, — произнёс Рамон, всё ещё стараясь подавить предательскую дрожь.

Антал сидел с прикрытыми глазами и молчал, медленно вдыхая и выдыхая свежий воздух. Из рта вылетали облачка пара. Становилось холодно. Ночь заступала в свои права.

— И мне очень хотелось бы, чтобы ты на все ответил.

Антал кивнул. Он пребывал в каком-то медитативном состоянии. Слушал лес, наслаждался покоем. А дурман-дым тем временем, не получив желанной крови, щекотал где-то в груди, требовал свободы. Его прескверный игнорировал.

— Спрашивай, — ответил он.

Рамон кивнул и задал первый вопрос:

— Для начала... как ты тут оказался?

Он огляделся.

— Где мы вообще находимся?! Маленький уродливый кровопийца тащил меня сюда, как на край света! И что это за развалины?

Антал открыл наконец глаза, ещё раз выдохнул, а потом сказал:

— История о том, как я нашёл это место, довольно интересная. Может, даже смешная. Веришь или нет, но этот разрушенный храм я, как и ты, обнаружил только сегодня. А началось всё с Тенебрис и нашего с ней откровенного разго-

вора...

Рамон придвинулся чуть ближе, демонстрируя неподдельный интерес:

— Что за разговор?

Антал слизал кровь с губы, причмокнул, а потом тяжело вздохнул, устремив взор вдаль. Он ощущал усталость из-за произошедшего, однако продолжил:

— Я сам призвал её, когда ушёл из дворца. Хотел обсудить кое-что. На тот момент я уже был в Домне, у себя дома. А дальше...

А дальше он погрузился в воспоминания.

Ёжась от холода и дрожа от бушующих эмоций, Антал быстро шагал в сторону дома. Сердце колотилось, дыхание сбивалось. Он ощущал вину за то, что вот так просто ушёл. За то, что оставил Элейн в неизвестности. Это жестоко! Он бросил её, покинул. И что же теперь думает о нём королева? Считает, вероятно, что Антал Бонхомме — предатель. Или обиженный мальчик, требующий внимания! Что ж, она имела на это право. А, быть может, Элейн не думала о нём вовсе, отдав себя работе и новым обязанностям. Вдруг тут же взяла и выкинула прескверного из головы? Из жизни? Из сердца?..

Как хотелось ему связаться с ней! Объясниться! И попросить прощения. Нет, Антал ни за что не покинул бы Элейн по

собственной воле. Он ведь... любил её. И она, наверное, любила его. А любовь эта ей значительно усложнила жизнь. Настолько, что даже сама Тенебрис явилась и принялась условия ставить! Но Антал уже знал, что делать. У него был план. Ненадёжный, хрупкий, но он был. И пока что необходимо следовать ему. Но для начала...

Прескверный наконец добрался до дома. Желая согреться, сразу же натаскал дров и разжёл камин. Потирая утратившие чувствительность руки, он нервно бродил по дому, не зная, куда себя деть. А потом вдруг громко произнёс:

— Ну? Этого добивалась? Явись же и поговори со мной!

Богиня себя ждать не заставила. С довольной ухмылкой появилась за спиной Антала и прижалась, обхватив руками талию. Объятия эти, надо сказать, были удушающими, очень крепкими. И ногти её впились в тело, словно сомкнувшиеся капканы. Обнимала Тенебрис не столько из-за любви, сколько из-за нежелания отпускать. Она демонстрировала свою власть, не иначе! А, может, такими её объятия были всегда? Теперь уже Антал не знал. Теперь для него многое познавалось в сравнении.

— Наигрался в придворное чудовище, я надеюсь? — спросила она.

Внутри тут же растеклось отвращение. Прикосновения её казались чужими, грязными. От них хотелось как можно скорее скрыться. И Антал убрал руки богини, а сам отошёл как можно дальше. Та осталась неподвижной.

— Я ушёл не потому, что соскучился по тебе, — прошипел прескверный злобно.

— Да плевать мне. Как-нибудь переживу. Ты нужен мне для иных целей.

Антал вдруг растянул улыбку:

— Да ну? И дело вовсе не в твоих всепоглощающих чувствах? Не в страшной ревности, которая тебя снедает?

Тенебрис громко расхохоталась, взглянув на Антала выскомерно:

— Ты слишком высокого о себе мнения! Это вовсе не ревность, а собственничество. Справедливое, к тому же! Ты — моя вещь. И забрать тебя я не позволю.

Богиня лгала, но в первую очередь самой себе. Антал же видел её насквозь. И впервые за все эти годы именно сейчас ему захотелось причинить ей нестерпимую боль. Сделать так, чтобы Тенебрис страдала, как страдал он. Или... быть может, ему хотелось хоть раз увидеть истинные её чувства. Он заслужил искренности, какую богиня так отчаянно прятала.

Прескверный сделал в её сторону шаг, потом другой. И заговорил холодно:

— И совсем тебя не волнует, что я спал с королевой, да? Не интересуется, как случился наш с ней поцелуй? Хочешь, поделюсь, что я в тот момент испытал? Если тебе всё равно, то ты с интересом выслушаешь. И высмеешь несчастную и глупую госпожу Дезрозье за то, что она позволила себе влю-

биться в прескверного, который её бросил.

Та сложила руки на груди и улыбнулась фальшиво:

— Можешь попробовать. Только вот не понимаю, чего ты этим хочешь добиться. Думаешь, мне будет больно? Антал, ты не способен причинить мне боль! Будь ты чем-то большим, кем-то важным для меня... возможно. Но ты наивен, если так считаешь.

Антал, кивая, подходил всё ближе. И продолжал:

— В таком случае, просто поделюсь своими впечатлениями как прескверный с возлюбленной покровительницей!

— Мне ни к чему это знать, — перебила она вдруг, отмахнувшись. — Ты позвал меня сам, явно желая о чём-то поговорить. Вот и давай перейдём к делу.

Но Антал не отступал:

— Да. Я хотел поговорить. И это напрямую связано с Элейн. И с тобой, конечно. Так уж вышло, что мы не поставили точку.

— Ты не сможешь меня отвергнуть, Антал.

— Я отверг тебя уже давно. Тебе это известно не хуже, чем мне. Но ты искренне верила, что сможешь и дальше манипулировать моим одиночеством. И, должен признать, у тебя получалось. Несмотря на страшную обиду и разбитое сердце, я продолжал тебя любить. По-настоящему, преданно. И надеялся, что однажды ты это начнёшь ценить. И попросишь наконец прощения.

— За что же? — удивилась богиня.

Антал подошёл почти вплотную и остановился, смотря на Тенебрис сверху вниз. Он пронзал её серыми ледяными глазами, а та вдруг отступила, точно испугавшись. Напряглась.

— За то, что покинула меня, когда я умирал. За то, что не позволила заплакать.

И в этот момент она будто немного расслабилась, незаметно выдохнув. Антал этого не понял, но решил не придавать значения. Он ждал реакции. Очень хотел услышать желанные извинения.

— Ты стал таким мягкотелым, спутавшись с Элейн, — только и сказала богиня, цокнув осуждающе языком. — К чему тебе мои извинения? Ты уже вернулся ко мне. Значит, всё давно простил.

— Не простил. И не прощу.

Улыбка с лица её пропала. Антал снова сделал шаг вперёд и заговорил:

— И я вовсе не стал мягкотелым, Тенебрис. Я ощутил безопасность. А потом провёл параллели, сравнил и осознал одну простую вещь: благословлённая Элейн смогла принять во мне чудовище, а ты, моя богиня и покровительница, не смогла принять человека. Всего лишь человека!

Он коснулся её щеки и заглянул в глаза:

— Я любил бы тебя, Тенебрис. Одну только тебя. Но ты сама не желала любви. Хотела лишь поклонения и подчинения.

Она опустила взгляд и стояла неподвижно. Окаменела,

превратилась в бездушную статую. Однако руки её дрожали.

— Так ты выбрал удобную! — произнесла богиня севшим голосом.

— Главное, что выбрал не тебя. И это точка. Та самая, которую необходимо было поставить уже давно. Потому больше не суйся к Элейн. Не смей ей угрожать. И оставь в покое меня.

Тенебрис подняла наконец глаза. В них — вот так неожиданность! — стояли слёзы.

— Нет, — ответила она твёрдо.

Антал оставался непреклонен:

— Я тебя не люблю. И даже если Элейн меня покинет, я всё равно к тебе не вернусь. Лучше буду один. К тому же, у тебя есть другой прескверный. Ну, для достижения твоих целей. К чему тебе я? Оставь меня. Уходи уже.

Он отвернулся, но Тенебрис схватила его за руку и развернула. Смотрела с яростью, ненавистью и... мольбой. Она не сказала «не уходи», нет. Её душила гордость! Но потеря всякого контроля ужасала. И, что самое главное, ей было по-настоящему больно. Антал получил, что хотел. Впервые в жизни увидел в глазах её страх и жалость. Богиня наконец осознала, что перед ней — не несчастный юнец, так нуждающийся в ласке, а взрослый мужчина, который больше не намерен терпеть унижения и манипуляции. Она наконец показала ему свои истинные чувства. Лгать не получится больше.

— Я... любила тебя, как умела...

— Ты душила меня, ты плевала на мои чувства. Нет, ты не любила меня.

— Любила! И люблю! Как никто другой, Антал!

Антал вдруг закричал:

— Да мне тошно от тебя! Хватит портить мне жизнь! Я не желаю больше тебя видеть! Ты не изменишься. Так и останешься в своём кошмарном, равнодушном постоянстве. Само естество твоё сшито и соткано из ненависти, боли и всепоглощающего холода.

Она бросила со злой усмешкой:

— А ты? Ты — другой? Самый праведный прескверный в мире? Может, ещё о душе моей грешной помолишься, как молился о покое Нерона Дезрозье?

— А я, по крайней мере, *хочу* быть другим. И стараюсь измениться.

Тенебрис смолкла, но ненадолго. Антал вновь собирался отойти, оказаться в противоположном углу комнаты, лишь бы быть дальше от неё, как вдруг богиня схватила его за волосы и с силой потянула на себя. Антал не удержался на ногах и рухнул на пол. Не успел он сообразить, что происходит, как Тенебрис встала над ним, схватила за шиворот рубашки и подняла, после чего швырнула в сторону. Антал полетел прямо на стол, который тут же сломался под его весом. На теле, руках и ногах появились занозы и синяки.

— Я убью тебя собственными руками, — завопила богиня, стремительно приближаясь.

Антал попытался встать, но не успел. Тенебрис нависла над ним, уселась сверху и принялась душить. Хватка её была сильной, нечеловеческой. Антал жадно хватал ртом воздух, лицо его покраснело. Тело ломило после жёсткого падения.

Прескверный задыхался. Но, в попытке спастись, тоже схватил Тенебрис за волосы и резко потянул в сторону, скинув её с себя. Сделав желанный вдох, он вскочил на ноги и совершил, как оказалось, роковую ошибку — выпустил дурман-дым. Антал лишь хотел защититься при помощи него по привычке, но Тенебрис вдруг вцепилась в дым, точно в лоскут ткани, и зашептала, по-прежнему роняя слёзы:

— Я уничтожу не только тебя, но и всех, кого ты так любишь. Элейн сама от тебя откажется. Родители разочаруются окончательно. И тебя наконец казнят! Закончат начатое!

Прескверный быстро осознал, что дурман-дым ему в данный момент не подчинился. Теперь он был во власти богини. Она не смогла повлиять ментально, ей не удалось залезть ему в голову и нашептать свою волю, потому действовала именно через дым. А он, являющийся отдельным организмом и имеющий подобие разума, охотно поддался. Не союзник больше.

— Перебей всех в Домне. Напади на храм Меро. Убивай, Антал! Убивай! И драгоценная Элейн явится сюда немедленно. Тебя и без того подозревают в исчезновении людей. И так на тебя чужие грехи собираются повесить! Так чего тянуть? Давай! Устрой хаос, пролей кровь. Стань, наконец, чудовищем, которого в тебе все видят.

Дым, лишь заслышав слово «кровь», взбудоражился, начал извиваться и не хотел терпеть ни секунды промедления. Он жаждал того же, чего и всегда — смертей.

Тенебрис отпустила. Дым вернулся в тело Антала и теперь воздействовал на его сознание. Его желания стали желаниями прескверного. Спротивляться им оказалось сложно. Практически невозможно!

Антал зажмурился и стиснул зубы, изо всех сил стараясь заглушить чужую волю. Он так боялся поддаться! И так же сильно этого хотел! Тело его швыряло из стороны в сторону — дым подталкивал, торопил, заставлял идти.

Вдруг возникла иная навязчивая мысль, и принадлежала она исключительно прескверному: сломать себе ноги, чтобы не суметь покинуть дом. Тенебрис, по всей видимости, с некоторых пор слышала его мысли плохо, потому, вероятно, не могла предугадать и действия.

Взгляд заметался по углам в поисках способов искалечиться. Конечно, выбор пал на лестницу. Если с неё как следует грохнуться, можно не только ноги, но и голову разбить. Есть вероятность потери сознания. В этом случае Тенебрис точно отстанет и уйдёт. Главное, не убиться совсем! Насмерть!

Антал собрался с силами и заставил-таки себя двинуться к лестнице. Хватаясь за перила, он поднимался наверх. Дым мешал и тянул назад. А богиня, явно не понимающая, что Антал задумал, лишь с интересом наблюдала.

— Решил спрятаться в своей комнате, совсем как в детстве? — спросила она.

Прескверный не ответил. Он терпеливо и настойчиво поднимался всё выше, вцепившись в перила мёртвой хваткой.

А может выйти в окно? Чтоб уж наверняка.

Дым сковал вдруг тело в тиски. Зашевелился под кожей, заёрзал. Он щекотал, окутывая конечности и заползая выше, к голове. Совсем скоро перед глазами возникла тьма, а мысль о том, чтобы сломать себе ноги, внезапно заглушила другая — о том, как было бы здорово просто сдаться, выйти-таки наружу и сравнять Домну с землёй. Анталу ведь это под силу! Можно всё исправить. Не ссориться больше с Тенебрис, забыть об Элейн и жить дальше. Им с богиней было хорошо вместе когда-то. Она ведь сама сказала, что всё ещё любит.

Антал начал путаться в том, что правильно, а что нет. Он сильно укусил себя за руку, до крови. Боль моментально отрезвила. Он очнулся, насильно вытряхнув дым из головы, и принялся читать собственную молитву себе под нос:

— Как морок, как образ пугающий

Ты всюду шагаешь за мной,

Мне тянешь ошейник давящий,

Чтобы вечность водить за собой...

Тенебрис это заметила и взревела:

— Не позволю! Не дам уйти! Ты будешь подчиняться!

И взбежала по лестнице, а потом обхватила голову Антала

руками. Она смотрела ему прямо в глаза. Тот не мог отвернуться, не мог не смотреть! Его подавляли, и казалось, вот-вот силы иссякнут. Сопротивление окажется бесполезным. Но Антал продолжал:

— Но мне не пристало бояться,
Я в плен твой не тороплюсь
И сломить меня не удастся,
Ведь тебя я совсем не боюсь...

Она шептала ему в губы, плача и игнорируя молитву, полную отчаяния:

— Что ты натворил, Антал? Что сделал с нами? И... со мной. Во что я превратилась из-за тебя? Из-за этих поганых чувств! Не хочу ничего ощущать больше, видеть тебя не могу, но отпустить не в силах. Как жить без тебя? И почему ты такой неправильный?! За что Сальваторе так поступил со мной? По какой причине сделал с тобой... это?!

Сквозь пелену Антал смотрел на богиню в ответ и, сделав над собой усилие, спросил:

— Что — это? Что со мной сделал Сальваторе?

— Ты так и не вспомнил ничего. У тебя, должно быть, после смерти пол жизни из памяти стёрлось, да? — ответила она со злой усмешкой. — Я даже завидую. Мне бы тебя так же забыть, как ты забыл Сальваторе, и жить дальше, как жила до твоего рождения. Поглощённая лишь ненавистью и желанием вернуть своё дитя. А не этой удушающей любовью. Не этим желанием владеть тобой, точно вещью! Лучше бы

ты умер тогда, Антал. Умер навсегда и не возвращался.

Антал до сегодняшнего дня не был уверен в том, что всё-таки умер пять лет назад. Это казалось невозможным. Иначе как он мог вдруг воскреснуть? Такого не бывает. Но теперь от слов Тенебрис сделалось тошно. И страшно. Он-то было решил, что умирать не так больно! Надеялся, что, когда смерть настигнет-таки, он просто уснёт и ничего не успеет понять. А, оказывается, те ужасающие муки и являлись погибелью. Агонией, которая забрала много воспоминаний и заместила их собой. Её прескверный помнил отчётливо. И все сопутствующие ощущения. Не говоря уже о последствиях.

— Ответь, — слабо произнёс Антал. — Ответь на вопрос, Тенебрис! Не молчи. Не смей скрывать от меня правду.

— Ты ничего не услышишь от меня. Я хочу, чтобы ты мучался. От боли, незнания и от чего бы то ни было ещё! Ненавижу тебя. Ненавижу Элейн. Не выношу твои мысли о ней. Они оглушительнее, чем плач Вогана.

Тенебрис истерически хохотнула:

— И злая ирония в том, что другие твои мысли я почти не слышу. Но мысли об Элейн...

Она сильнее стиснула в руках голову Антала, точно желала расколоть череп.

— ...такие громкие!.. Такие... всепоглощающие! Я вижу её твоими глазами и ненавижу лишь сильнее. Только вот никак не пойму: эта ненависть относится к ней или всё же к

себе самой?

Антал держал контроль над собой из последних сил. Глаза его закатились, челюсти крепко сжались. Тенебрис, должно быть, хотела свести его с ума. Не просто поработить, а лишить разума!

— Меня бесит, что я не могу быть, как она. Что сердце её — человеческое и живое — способно прощать, сочувствовать, жалеть... А моё уже давно о милосердии забыло. Я даже тебя терзаю и извожу! Потому что ненавижу. И... люблю. Не могу иначе, Антал. И не хочу.

Богиня сжала разум Антала так сильно, что у того онемели ноги. Из носа потекла струйка крови. Казалось, мозг его расплавился, сосуды полопались. И тогда Тенебрис отпустила. Вовремя осознала, что начала перебарщивать. Ещё немного, и голова её любимого прескверного раскололась бы, точно яичная скорлупа.

И Антал, высвободившись наконец из мёртвой хватки, начал приходить в себя. Голос Тенебрис слышал будто бы издалека. И был он властным. А приказы — убедительными и неоспоримыми. Она повела за собой, заставила спуститься-таки с лестницы и выйти из дома.

— Делай, что велено.

Но прескверный вдруг сошёл с крыльца и, пошатываясь, направился в другом направлении. Уходил всё дальше от храма Мери, а потом и вовсе вышел из Домны, погрузившись в лес. Тенебрис, убеждённая в том, что наконец обрела

над ним власть, так и застыла на месте, ошарашенная. Нет, у неё не получилось. Антал ослушался! И, боясь подчиниться, спешил скрыться, убежать как можно дальше от людей, чтобы никому не навредить.

Богиня последовала за ним, продолжая попытки повлиять. Так они и набрали на разрушенный храм, забытый не только самим Пресвятым Сальваторе, но и людьми. Туда же позже явился Рамон Беланже, застав богиню и прескверного, борющихся с волей друг друга.

— Так ты оказался здесь случайно, — заключил Рамон, дослушав рассказ.

Антал кивнул, утерев нос рукой. На тыльной стороне ладони осталась кровь. Он сказал:

— Она не отпустит меня так просто. Свободы не даст. И влияние её сейчас невероятно сильное и пугающее.

— Не отпустит... из-за ревности? Как мужчину? — уточнил Рамон неуверенно.

Антал осознал, что господин Беланже был не слишком осведомлён об их с богиней отношениях, потому, видимо, не совсем понимал происходящее. Прескверный ответил:

— Да.

Рамон задумался и смолк, не сводя с него глаз. И лишь через пару минут заговорил:

— Тебе, должно быть, очень страшно, да?

Антал удивился этому вопросу:

— Почему?

— На тебя оказывает влияние столь могущественное создание. Богиня! Потому, наверное, тебе должно быть страшно. Я вот, признаться честно, оцепенел, завидев её. Едва на ногах удержался — настолько испугался! И ей достаточно было лишь на меня взглянуть. А на тебя...

Он окинул Антала взглядом, подметил каждый синяк, каждую ссадину и закончил мысль:

— На тебя Тенебрис обрушивает гнев физически. Ты избит. Обида её — нечто очень личное, глубокое. Будь ты простым прескверным, одним из тех, предыдущих, богиня, должно быть, так не злилась бы. Но тебя она считает предателем. И желает отомстить.

Антал вдруг нервно расхохотался:

— Ты знаешь, именно перед Тенебрис я страха не испытываю. Привык к ней. А вот простых смертных боюсь куда больше.

— Что ж, интересный ты человек, Антал. Необычный. И очень смелый. На твоём месте я сошёл бы с ума, наверное...

Антал отмахнулся, сморщившись:

— Нет. Не надо меня превозносить, Рамон. Никакой я не смелый. Я просто жить хочу. И за это право борюсь.

Рамон поёжился от осеннего холода и спросил:

— А что ты думаешь по поводу её слов о Сальваторе?

Антал пожал плечами:

— Ничего. Планировал спросить об этом у самого Сальваторе.

— А дворец почему покинул так внезапно? Элейн рассказала мне о том, что произошло. Но ты ушёл молча. Королева наша теперь места себе не находит. Считает, что обидела тебя смертельно.

— Тенебрис поставила Элейн перед трудным выбором. И я хотел сделать так, чтобы выбирать ей не пришлось.

— А именно?..

— Я вернулся домой лишь ради того, чтобы убедить Меро отвести меня к могиле Вогана. Я хотел достать козлёнка и принести его во дворец. Тогда ультиматум Тенебрис не сработал бы. Потому так быстро и ушёл. Быстрее, чем Элейн успела бы подумать.

Антал опустил голову, прикрыл глаза и вздохнул тяжело, а потом тихо-тихо добавил:

— Я так боялся её ответа. Вдруг она... согласилась бы.

Рамон тронул его за плечо:

— Не согласилась бы. Элейн растерялась. И это мягко сказано! Она не знала, что предпринять. Богиня застала её врасплох. Но отдавать тебя, продавать твою драгоценную волю... нет. Ни за что мы не поступили бы с тобой так! Неужто сомневаешься в нас?

— Не сомневаюсь. Я просто боюсь. Видишь? Сказал же, никакой я не смелый! Лишь перед Тенебрис храбриться горазд. Ведь с ней по-другому никак. А чего именно боюсь?

Потерять вас. Людей, что не гонят меня, не презирают, не смотрят снисходительно, с отвращением. Вы ведь стали мне дороги и близки.

— Ну так и ты нам дорог и близок, Антал. Между нами — доверие. Разве не так?

— Я бы жизнь тебе доверил, Рамон! Конечно так!

Господин Беланже изменился в лице. Во взгляде появилась печаль, губы дрогнули. Сказанные слова тронули его за душу. А, возможно, было в них что-то ещё? Антал не знал и спросить не решился. Рамон тем временем опустил глаза на мгновение и замолчал. А потом, натянув тёплую улыбку, произнес:

— Ну так и нечего тебе тогда бояться. Клянусь, я не предаю, какие бы условия богиня ни поставила. А вот ты! Ты мог сказать о том, что уходишь, хотя бы мне! Мог бы предупредить!

Антал съязвил:

— Как и Элейн, места себе не находил? Скучал по мне, должно быть?

— А ты тёплых слов от меня не дождёшься. Подлый. Ты хоть знаешь, через что я прошёл, пока тебя искал?!

Рамон указал на стоящего неподалёку Альву:

— Пока этот хамил мне бессовестно и вёл непротоптан-ными тропами сюда! Я мог лишиться сил и сгинуть где-нибудь в овраге. И не нашли бы меня никогда.

Антал с достоинством вытерпел возмущения Рамона, едва

скрывая улыбку, а потом спросил:

— Так а зачем искал-то? Попросил бы Альву привести меня, назначил бы встречу...

— Может, ещё экипаж за тобой выслать надо было? Придумал тоже! Вообще-то я волновался. Как жаль, что ты этого не ценишь! Это во-первых. Во-вторых, я планировал попросить тебя о помощи.

— Это связано с пропавшими людьми?

— Именно. На них, несомненно, что-то или кто-то влияет. Нам нужно разобраться с этим. Спасти несчастных. Я уверен, в этом замешан тот прескверный.

Антал выудил из кармана портсигар, зажал губами папиросу и закурил. Он молчал, много думал. И уже догадывался о том, что могло послужить причиной пропажи такого количества людей. То было лишь предположение, но что-то ему подсказывало, что тот прескверный вовсе не причём.

Он уточнил:

— В истории Эрхейса уже бывали подобные случаи, так ведь?

Рамон, недолго думая, ответил:

— Я слышал об этом. И читал, когда ещё подростком изучал древние летописи. Подобное действительно случалось, но лишь раз или два...

Антал закивал, утверждаясь в своей догадке. Он затянулся и выдохнул едкий дым, сказав:

— Я, кажется, знаю, в чём тут дело. Это не прескверный,

а нечто похуже.

Рамон вскинул брови:

— Что вообще может быть хуже прескверного? Неужели сама Тенебрис балуется?

— Не она. Её дитя.

— Чего?

Антал решительно встал на ноги, докурил сигарету и выбросил, растоптав. А потом помог встать Рамону. Прескверный повёл его куда-то, придерживая за локоть и бросив топливо:

— Нам нужно в Амисс. Там расскажут больше.

Рамон еле волочил ноги и спотыкался от усталости, но продолжал идти. И, заслышав слова Антала, потребовал объяснений:

— В какую ещё Амисс?! Зачем это?! Что вообще происходит? Расскажи сейчас же! Или предлагаешь мне самому додумать?

— На месте и узнаешь.

Альва, стоящий до этого момента неподвижно, вдруг ожил и пропищал им вслед:

— Господин и господин! Какие будут указания?

Антал ответил:

— Возвращайся во дворец. Ты пока что не нужен больше.

И Альва, развернувшись на пятках, направился в противоположную сторону.

Глава 25. Древние рукописи и неприятная правда.

Деревню обнесли стеной. Видимо, чтобы случайно проходящий благословлённый не решил вдруг подсмотреть, чем амисситы занимаются, и не скрывают ли очередного прескверного. Вряд ли, конечно, простая деревянная стена, пусть и высокая, сможет удержать вооружённых до зубов солдат, но видимо хоть какое-то чувство безопасности и отчуждённости это приносило. Попасть на их территорию теперь было сложнее. Огромные ворота кому попало не откроют. Но Антала жители деревни, конечно, пропустят без колебаний.

На входе стояли привратники. Двое караульных, облачённых в примитивную броню и держащих в руках копья. К стене примыкали две надзорные башни. С них вели слежку лучники, готовые выпустить стрелы в незваных гостей. Тут и там горели факелы. Однако всё равно света не хватало. Огонь едва справлялся с царящей в воздухе скверной. Она нагоняла мрак. Она же отравляла дыхание.

Рамон закашлялся на подходе к деревне.

— Как будто дым стоит, как от страшного пожара! — прочищая горло, сказал он.

Антала его состояние обеспокоило. Организм Рамона сейчас крайне уязвим, и лишний раз дышать скверной, пропитываться ею, благословлённому не стоило.

Он предложил:

— Может, подождёшь меня снаружи? Там, за стеной, тебе станет хуже.

Рамон отмахнулся:

— Да куда уж хуже? И вообще не жалея меня! Со мной всё в порядке. Уж как-нибудь с очередным приступом кашля справлюсь. К тому же, вокруг — сплошной тёмный лес. Хищники бродят или кто пострашнее. Не стыдно меня одного бросать здесь?!

— Ладно, но держись рядом. Амисситы не очень-то жалуют чужаков, а уж телами благословлённых с удовольствием здешнюю землю удобрили бы.

Рамона смущала забота, но противиться он не стал. Ничего не ответил и только согласно кивнул. А себе под нос пробубнил:

— И как они сами тут могут жить?

— Для них скверна — такой же дар, как для вас — благословение Сальваторе. Они живут тут поколениями и, поверь, не жалуются, — объяснил Антал. — Их вполне устраивает жить с затуманенным разумом.

— И всё равно их веру мне не понять.

Антал ответил серьёзно:

— Я не осуждаю. Но дело в том, что вы и не пытались её понять.

Рамон возмутился:

— Они верят во зло! Какое тут ещё может быть понимание?

— О, Рамон, ты ошибаешься. Амисситы вовсе не во зло верят, не мести и боли поклоняются. Тенебрис в их глазах не

жестокое божество, жаждущее причинить страдания невинным людям. Для них она сама — страждущая мать, желающая вернуть своё дитя. А прескверные — её помощники. Проводники. Люди, с рождения одарённые долгом перед ней и Воганом. Каждый из амисситов мечтает о том, чтобы и их ребёнка Тенебрис избрала. Они трепетно относятся к рождению детей, для них бросить или покалечить собственное чадо — страшное преступление, за которое жестоко наказывают.

Рамон внимательно слушал и молчал. О чём-то размышлял. А Антал продолжил:

— Скверна была на этих землях задолго до того, как на них явился Сальваторе. Энергия её распространялась всюду, была неотъемлемой частью здешнего течения жизни. Первобытная, древняя и могущественная. И собралась она в фигуру женщины. В Тенебрис. Потому амисситы считают её истинным божеством, хозяйкой Эрхейса. К тому же, в руках её огромная власть. Это вызывает к уважению.

— Власть, используемая во вред, — заключил Рамон, нахмурившись.

— В её оправдание скажу лишь то, что богиня и была рождена из страдания и боли. Из разложения она явилась и из пролитой крови Маеджи. И, наверное, из-за каких-то законов вселенной быть другой ей не дано.

Вдвоём они подходили всё ближе к деревне. Рамон машинально положил руку на эфес меча. Антал это заметил. По-

чувствовал и нарастающее в нём волнение.

— Прости, если лезу в душу... Но если ты не против пооткровенничать...

Антал усмехнулся, уже догадываясь, о чём же так сильно хотел знать Рамон. И кивнул, давая согласие на этот разговор.

Благословлённый спросил:

— Ты её правда любил? То не было лишь уважение из страха? И слепое поклонение. Мне трудно осознать иное. Тенебрис ведь... такая... Она ведь и не человек вовсе! И взгляд у неё страшный.

— Ну так ведь и я не совсем человек, Рамон. Ты не можешь в это поверить лишь потому, что не видел, каким я могу быть. И я этому рад! Прескверные устроены иначе. Внутри нас, в головах наших, происходят вещи куда страшнее взгляда богини. Поэтому да. Я любил её, не просто подчинялся. И страха перед Тенебрис не испытываю. Мы ведь с ней из схожего теста слеплены. Это для вас, благословлённых и простых людей, само существо наше выглядит противоестественно.

Рамон кивнул:

— Что ж, справедливо. Спасибо, что делишься. Мне жутко интересно знать о подобных особенностях. Видишь ли, не каждые тридцать лет удаётся вот так поболтать о всяком с прескверным.

Антал посмеялся:

— Рад угодить. Надеюсь, меня впишут в историю. Сообщите летописцам все подробности моей личной жизни, чтобы о ней узнали потомки.

Рамон фыркнул:

— Ну ещё чего! Подобная информация бесценна и эксклюзивна! Я буду хранить её до конца жизни. Ну, то есть недолго.

— Дать бы тебе подзатыльник, господин Беланже, за подобные речи.

— Давай, давай, попробуй! И о моё самомнение обожжёшься!

Антал расхохотался и прекратил смеяться лишь когда они наконец подошли к воротам деревни Амисс. Чтобы не было лишних вопросов, он призвал дурман-дым, который всё ещё колебался и неприятно щекотал кожу изнутри. От обиды и злости, ведь не дали ему желанной крови.

Дым являлся неопровержимым доказательством того, что войти внутрь Антал и его спутник имели право. И привратники, упав вдруг на колени, пропустили господ. Лучники сверху дали кому-то команду на проклятом языке. И ворота перед ними тут же открылись.

Казалось, высокая стена не выпускала устоявшийся спертый воздух наружу. Но, стоило тяжёлым воротам распахнуться, как в лицо ударил навязчивый запах сырости и гнили. Так пахла скверна. Особенно, когда концентрация её достигала предела. Здесь было её абсолютное сосредоточение.

Антал шёл вперёд и не спешил прятать дурман-дым. Жители деревни побросали свои дела, уставившись на него в изумлении. С благоговением. Кто-то молился, кто-то приветствовал поклоном. Казалось, никто не обратил внимание на Рамона. Их интересовал лишь прескверный, явившийся из ниоткуда.

Рамон приблизился к Анталу, с опаской озираясь по сторонам, и спросил:

— А про другого прескверного они могут тебе рассказать? Кем он является, где его найти?

— Не расскажут, — ответил Антал с твёрдой уверенностью. — Это секрет. И даже мне знать его не положено. И под пытками не проговорятся. Так же, как и про меня никому никто не расскажет.

— Ну пытать мы никого не собираемся. Но не спросить я не мог.

Помолчав пару мгновений, Рамон поинтересовался:

— Как ты себя чувствуешь? Должно быть, сила переполняет?

Антал не стал кривить душой и ответил честно:

— Чувствую себя превосходно. Как будто горы могу свернуть. Скверна питает, тянется ко мне. А ты как себя...

Он повернулся и взглянул на Рамона, который был покрыт потом и дрожал. Губы его побелели, капилляры в глазах полопались. Предсказание Антала сбылось: благословлённому стало хуже, причём довольно быстро. И даже заговорённые

перстни, которые благословлённый носил, не снимая, не спасали. Очевидно, по той причине, что здесь концентрация скверны зашкаливала.

— Голова немного кружится. Дышать тут нечем! От того и разум, конечно, затуманен. Не стану врать, мне бы хотелось уйти отсюда как можно скорее. И не смей нотации читать! Я всё равно не остался бы снаружи.

— Мы лишь зайдём в храм, там я поговорю со жрецами, и уйдём. Потерпи немного.

Вдвоём они шли в центр деревни, минуя жилые дома и торговцев, коих было не так много, как на торговой площади в столице. Впереди виднелся сам храм и его ступени. Те самые, залитые кровью прескверных.

— Только вот... — неловко проямлил Антал.

— Что? Не пустят меня в храм? Оскверню святыню вашу своим присутствием? — огрызнулся Рамон.

Прескверный, поджав губы, кивнул:

— Мне-то плевать абсолютно. Но тебе самому совсем плохо сделается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.